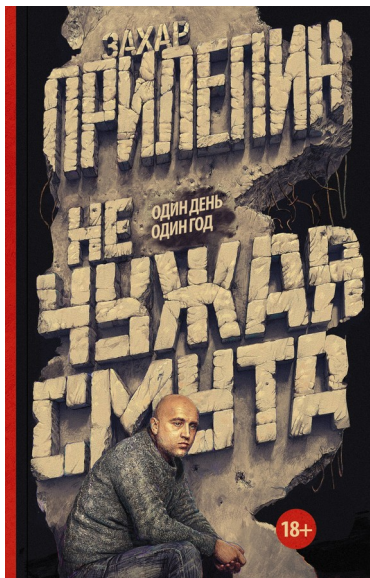

Захар Прилепин
Не чужая смута. Один
день – один год (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9095124

Прилепин, Захар. Не чужая смута. Один день – один год: АСТ, Редакция Елены Шубиной; Москва;

2015

ISBN 978-5-17-089798-8

Аннотация

Захар Прилепин – прозаик, публицист, музыкант, обладатель премий «Большая книга», «Национальный бестселлер», «СуперНацБест» и «Ясная Поляна». Автор романов «Обитель», «Санька», «Патологии», «Черная обезьяна», сборников рассказов «Грех», «Ботинки, полные горячей водкой» и «Восьмерка».

Новая книга публицистики «Не чужая смута» посвящена украинско-русской трагедии 2014 года. Репортажи, хроника событий, путевые очерки из поездок по Новороссии тесно переплетены с размышлениями о русской истории, русской культуре и русском мире.

Содержание

Вместо предисловия	5
До всего	6
Вступление в тему. «Дайте им досмотреть свои сны»	13
Часть первая. Майдан. Зимние записи	15
Часть вторая. Весна в Крыму	31
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Захар Прилепин

Не чужая смута. Один день – один год

© Захар Прилепин

© ООО «Издательство АСТ»

Вместо предисловия

Начнём, казалось бы, издалека (на самом деле – нет, начинаем с того, что под рукою). Древнерусская литература пребывала в круговороте священной истории.

Несмотря ни на что, древнерусская литература даёт ощущение умиротворения, смирения, мирооправдания. Посреди любого из этих слов – мир.

С миром в сердце мы живём посреди мира земного. Эти ощущения унаследовали Пушкин, Толстой, Блок, Есенин.

Издrevле русский народ жил от одного евангельского праздника до другого.

События Нового Завета воспринимались как происходящие – здесь, сейчас и всякий раз – внове.

Так мы стали воспринимать и свою историю. Так наша история стала воспринимать нас.

Раз в столетие случалась великая победа – очередное спасение Руси, или великое потрясение, или иная невидаль, вроде путешествия в Индию или в космос. Эти дни и дни русских святых пополняли евангельский круговорот, но не изменяли его.

Кто-то говорит, что это заколдованный круг. Ну, хорошо, пусть круг – но это не тупик.

Это карусель русской истории, которая никогда не наскучит.

В четырнадцатом году третьего тысячелетия нам в очередной раз показалось, что мы летим в тартарары. А мы просто зашли на очередной круг.

Была прозрачная погода, и всё вокруг было особенно резко вычерчено.

Чуть прищурившись, можно было увидеть всё те же лица, знакомые нам по нашей такой юной, такой древней истории: воители, праведники, бунтари, мытари, вельможи, юродивые.

Благодарение, что нас вновь не обнесли этой чашей.

Подробно останавливаться на тех или иных событиях минувшего года незачем. Чем больше на них смотришь, тем чётче осознаёшь, что они уже случались не раз.

Просто мы их ещё в нашей земной жизни не видели – но теперь многое показали и нам.

В этой книге куда чаще будет идти речь о том, как те же самые события выглядели прежде.

Нет смысла отвечать за чужую историю, но про свою мы теперь в очередной раз знаем точно – у неё нет «прогресса». Само это слово смешно и надuto, как воздушный шарик. Прикоснись острым – и он лопнет, детям на смех.

Разве может быть «прогресс» у вечности?

Крутись, карусель.

До всего

Этот год назревал, и однажды посыпался как град.

Короткую антиутопию о том, что Украина распалась на две части и там идёт гражданская война, я написал ещё в 2009 году.

Не скажу, что я один был мучим подобными предчувствиями. Любой зрячий мог это предвидеть.

В мае 2013-го мы сидели посреди солнечного Киева, неподалёку от Крещатика, с украинскими «леваками» и прочими разумными ребятами из числа местной интеллигенции – которых, впрочем, в силу отсутствия у них «оранжистских» иллюзий, патентованные украинские элитарии числили по разряду маргиналов.

Тогда, за полгода до Майдана, мы много говорили обо всём, что через полгода странным и страшным образом сбылось.

Наши разговоры были записаны и вскоре обнародованы.

Когда события, ныне всем известные, начались – нам не пришлось выдумывать наши речи, чтоб оказаться постфактум самыми прозорливыми, и кричать: а мы знали, а мы знали!

Мы знали.

Пожалуй, приведу несколько цитат из наших бесед – вы можете легко проверить, что публикация их состоялась, когда ещё ни одна покрывка не дымилась в центре Киева.

Приезжаешь, бывает, – говорил я, – в какую-нибудь не очень далёкую страну – из числа республик СССР или стран Варшавского блока, и через какое-то время ловишь себя на одном болезненном чувстве: в этой стране идёт тихая реабилитация фашизма. Неужели никто ничего не замечает?

Не подумайте, что это выражается исключительно в русофобской риторике, зачастую характерной для иных зарубежных медиа, – к таким вещам мы давно привыкли. Нас не обязаны любить, да и не любить нас тоже есть за что: наследили, накопытили.

Проблема в другом. Собственную идентичность эти страны ищут почему-то в тех временах, когда они носили фашистскую форму, отлавливали местных евреев и переправляли куда велено, а потом яростно воевали с «большевистскими оккупантами».

И при этом, едва, к примеру, я оказываюсь в Европе, местная пресса тут же начинает трепать меня на предмет «русского деспотизма», всяких там нацболов и новейшей сталинианы.

«Побойтесь Бога, – всякий раз хочется мне сказать, – у вас тут в половине соседних стран полиция одевается так, что их от полицейских 1941-го не отличишь, памятники ставят профашистским головорезам – а вы всё в России ищите то, что у самих под боком».

Но то, что у них под боком, они не очень хотят видеть – все эти страны понемногу ползут в разнообразные евросоюзы, и вообще, в отличие от России, воспринимаются как вполне цивилизованные.

Другое моё удивление связано с тем, что если встретишь в описанной выше стране российского либерала – на гражданском форуме ли, в кафе ли – то сидит он зачастую в кругу той публики, среди которой его в принципе быть не должно.

В России наши патентованные либералы собаку съели на борьбе с «фашистами»: ищут (и находят!) их то под лавкой, то на чердаке, то в газете, то на митинге; но едва выберутся за кордон к ближайшим соседям – как нюх пропадает.

Или, наоборот, обостряется?

В нашей стране они только и делают, что говорят об «авторитаризме» и «националистическом реванше», вне её пределов ничего подобного не различают при самом ближайшем рассмотрении.

...Попивая киевское разливное, мы всё это обсуждали с одним украинским парнем из «левых», Виктором Шапиновым.

– Россияне вообще обычно не разбираются в украинской политике, думают штампами, – рассказывал Шапинов. – О поклонниках УПА, батальона «Нахтигаль» и дивизии СС «Галичина» в российских либеральных СМИ часто пишут как о «демократах». Мы даже отправили в редакцию «Эха Москвы» открытое письмо, когда новостная служба этой уважаемой радиостанции написала о пришедших в зал заседаний Киевсовета нацистах-боевиках в масках и с ножами как о «гражданских активистах». Эти «гражданские активисты» также развернули там знамя с «кельтским крестом» – известным европейским неонацистским символом. Так вот, «Эхо» нам так и не ответило... На митингах антипутинской оппозиции я сам пару раз видел знамя организации «Свобода» – а это ультраправая, неонацистская партия. Один из её лидеров, ныне депутат парламента, выпустил для «партийной учёбы» сборник статей Геббельса, Муссолини, Рёма, Штрассера и других фашистских преступников.

– Что побуждает часть украинских политических элит искать своих предшественников именно в тех временах? – спрашивал я, имея в виду Вторую мировую и прямых перебежчиков на сторону нашего тогда ещё общего врага.

Ответ мне был известен заранее, но я сверял свои ощущения с тем, что думают украинские знакомые.

– Ключевым моментом здесь является антикоммунизм, – отвечали мне. – Героями и «отцами нации» должны быть все, кто боролся с коммунизмом. А в тридцатые-сороковые флагманом борьбы с коммунизмом была нацистская Германия. Вот поэтому и героизируются Бандера, Шухевич и другие коллаборационисты. Историю украинского государства приходится вести от этих «героев». Иначе придётся признать, что сегодняшняя украинская государственность – это продукт позднесоветской бюрократии УССР, которой было выгодно не подчиняться общесоюзному центру в условиях начавшегося раздела общенародной собственности. Проще говоря, украинская часть советской бюрократии хотела сама определять, что и кому достанется на подконтрольной ей территории. Именно этот корыстный и далёкий от национальной духовности мотив и был основой создания независимой Украины. А национализм был лишь удобной ширмой для прикрытия масштабнейшего передела собственности.

– Что здесь думают по поводу российских либеральных деятелей – им-то всё это зачем? – спрашивал я.

– Думаю, и здесь цементирующим звеном является всё тот же антикоммунизм. Сотрудничество российских либералов и крайне «правых» в бывших советских республиках – это не случай, это система. Для нас самое печальное – это поддержка, прежде всего – медийная, партии «Свобода», бывшей Социал-национальной партии. Ксенофобская и расистская программа партии «Свобода», агрессивная риторика её вождей, в разные годы призывавших своих сторонников «бороться с жидами и москалями», советовавших русскоязычным детям в детских садах Львова «паковать чемоданы и уезжать в Москву», известна всем в Украине. Почему на это закрывают глаза у вас – большой вопрос.

Наша так называемая оппозиция – это блок либералов (Кличко), национал-либералов (Яценюк) и, прямо говоря, фашистов («Свобода» Тягнибока). Заключив такой союз, либералы втащили фашистов в большую политику. Приход фашистов в парламент поддерживала и власть, предоставляя им несоразмерное их тогдашнему рейтингу место на ТВ. Да и прямо финансируя их – есть свидетельства получения денег Тягнибоком прямо в Администрации

президента Януковича. Есть факты, когда мероприятия ВО «Свобода» проводились в помещениях, принадлежащих депутатам Партии регионов Януковича. Проблема власти в том, что она думает всех перехитрить, «развести» каким-то хитрым политехнологическим приёмом. Фашисты давно приобрели собственную динамику, это уже не просто «проект власти», как думали многие ещё год назад. Приход к власти фашистов реальнее, чем мы думаем.

Вскоре к нашему разговору подключился Андрей Манчук, один из лидеров украинской «левой» партии «Боротьба»:

– Националистическая идеология всегда являлась обратной стороной медали украинского капитализма, – делился Манчук. – Она призвана утверждать право буржуазии на господство в нашей стране, выводя традицию её власти прямо из трипольских горшков и из шароварных штанов казацких гетманов – а также легитимизируя результаты приватизации производственных активов Украины, созданных трудом миллионов людей в «тоталитарные» времена.

Нужно понимать, что в Украине пропаганда демонизировала «левых» в значительно большей мере, чем в России, где буржуазные элиты используют те или иные образы или фрагменты из идеологического наследия советской эпохи. Сама левая идея представляется у нас в Украине как нечто априори чужеродное всему украинскому, принесённое сюда на штыках «московской орды». Здесь растёт целое поколение, которое учили, что коммунисты – это коварные, жестокие, развращённые чужаки, которые зверски и умышленно уничтожали голодом и репрессиями украинский народ, его язык, культуру, и прочее. Эта позиция – основа праволиберального консенсуса, который является альфой и омегой украинской буржуазии.

Конечно, эти утверждения ложны – потому что большинство классиков украинской культуры, включая Ивана Франко, Лесю Украинку, Коцюбинского, Тычину, Винниченко и др., были людьми социалистических убеждений, Украина дала блестящую плеяду коммунистов-революционеров, украинские низы активно поддерживали большевиков, а победа советской власти стала предпосылкой для небывалого расцвета украинской культуры, впервые эмансипировав украинский язык и поставив на ноги украинское образование. Но сейчас это замалчивается самым циничным образом – а в ход идут позорные мифы о том, что коммунисты якобы расстреляли специально собранный для этого съезд музыкантов-кобзарей, что в пятидесятых годах харьковских студентов казнили за требование сдавать экзамены на украинском, что украинским солдатам давали перед атакой на немцев кирпичи вместо оружия, и так далее. Но уровень образования низок, уровень пропаганды высок, и есть те, кто этому верит.

Месяцем позже, в сентябре, мы обсуждали те же самые темы с киевским литературным критиком, которого зовут Ефим Гофман.

Говорили, ещё посмеиваясь, ещё подшучивая, о весьма странном феномене: «киевском русском оранжизме» – то есть о людях, которые воспитаны в рамках русской культуры, но, выходя на Майдан (до самого Майдана, напоминая, оставалось ещё несколько месяцев), ведут себя как завзятые русофобы.

– Я помню ещё времена, когда под понятием «либерализм» в среде интеллигенции подразумевалось не то, что сейчас, – рассказывал Ефим. – Речь шла о соблюдении прав человека, о свободе как важнейшей общечеловеческой ценности, о плюрализме, толерантности... Неслучайно ведь прилагательное «либеральный» в быту ассоциируется с проявлениями мягкости, терпимости. А нынешние либерально-тусовочные умонастроения – совсем другие. Из всей совокупности прав человека вычленяется одно-единственное, расцениваемое в качестве главного: право на частную собственность и её неприкосновенность. Гарантией его соблюдения является стабильный режим рыночной экономики.

Что же до остальных прав, то – весьма интересная складывается ситуация. Новоявленные либералы ненавидят всё, что отдаёт «совком», настроены на волну тотального антикоммунизма. А вот логически-понятийный аппарат этих людей работает в режиме... так называемого марксистского образа мыслей, который они так яростно отвергают. На самом деле – не марксистского, если иметь в виду подлинный марксизм. Весь вопрос в том, что они мыслят в духе упрощённых схем из советско-вузовского казарменного курса общественных дисциплин. Они полагают, что есть базис – рыночная экономика, а есть надстройка – всё остальное. Если будет установлен стабильный рынок, то остальные свободы-права автоматически придут в действие.

Совершенно понятно, что Соединённые Штаты Америки для нынешних русскоязычно-украинских либералов – неукоснительный ориентир. Показательно, что ни провальные результаты российского ельцинско-гайдаровского эксперимента девяностых годов, ни судьбы многих стран «третьего мира», уже веками пребывающих в ситуации «дикого капитализма», нисколько не отрезвили русских оранжистов. К сомнениям эта среда не склонна. Самостоятельное мышление в среде русских оранжистов не является престижным...

Ну вот, казалось бы: тот же интернет сейчас даёт возможность доступа к разнообразным информационным источникам. Столько новых точек зрения появилось, ставящих под вопрос систему представлений рубежа восьмидесятых-девяностых годов. Оранжистам же это всё – по барабану! Они предпочитают держаться за прежние догмы, искусственно взвинчивая и самих себя, и друг друга.

Возвращаясь же к Америке, то её внешнеполитический курс для оранжистов также является вопросом, не подлежащим обсуждению. Равняйся – смирно! Отсюда вытекает и их априорное недовольство Россией, и их априорная лояльность по отношению к «украинской идее».

* * *

– Это всё очевидно, – говорил я, но ещё пытался едва ли не в шутку объяснить происходящее хоть какими-то рациональными вещами. – Некоторые меркантильные соображения – они имеют место быть? – спрашивал я. – Гранты, то-сё?

– Отчасти – да. Но лишь отчасти, – отвечал Гофман. – В среде киевских русских оранжистов вполне хватает бескорыстных фанатиков. Не преследующих никаких личных выгод, не относящихся к категории преуспевающих. И, что самое главное, полностью смирившихся, принявших как норму процесс дискриминации своего родного русского языка, своей родной русской культуры. На Украине этот процесс имеет место уже более двух десятков лет, но при правлении Виктора Ющенко антирусская пропагандистская вакханалия достигла своего апогея.

В Киеве на сегодняшний день – считаное количество русских школ. Перекрыты возможности получения высшего образования на русском языке. То есть – возможности духовной, профессиональной, творческой реализации значительной части населения. А киевские оранжисты, в быту изъясняющиеся исключительно по-русски и на украинский переходить не собирающиеся, смотрят на подобные вещи с каким-то поразительным олимпийским спокойствием.

Взять хотя бы прошлогоднее выступление известного киевского кинорежиссёра Романа Балаяна в одной из киевских газет...

– Это один из моих любимейших режиссёров, надо сказать, – уточнял я. – Смотрел все его фильмы, начиная с «Бирюка», и половина из них – шедевры. Снимает он их, как я понимаю, по-прежнему на «Мосфильме».

– Да, человек ставит свои фильмы исключительно в Москве, на «Мосфильме», работает с известнейшими российскими актёрами, экранизирует русскую классику. А в интервью заявляет, что потребность в русском языке испытывают на Украине лишь люди старше сорока лет, которые «не могут прочесть инструкции к лекарствам, к налоговым платёжкам, счета коммунальных услуг»...

– Но сейчас у власти всё-таки не оранжевые, а Янукович. Как ваши пресловутые киевские русские оранжисты поживают?

– Влиятельные тусовки у нас по-прежнему – оранжевые, националистические.

В руках у них – а не у власти! – ведущие электронные украинские СМИ: и телевидение, и радио. И большинство украинских газет.

Настроения в среде киевских оранжистов нисколько не поколебались. В обозримом будущем, скорее всего, изменится лишь фамилия в оранжистских предвыборных речёвках: было «Ю-щен-ко!», станет «Я-це-нюк!». И другая фамилия встроилась в тот же ритм: «Тягны-бок!».

– Отсутствие серьёзного слоя аристократии, а затем – интеллигенции, пагубно сказалось на развитии украинской культуры, – продолжал Ефим. – Какие бы талантливые явления в ней ни случались, они, в отличие от российской ситуации, не имеют пока шансов стать самодостаточными и влиятельными событиями мирового уровня. Для этого нужна соответствующая мощная атмосфера внутри украинского общества, а её нет. Потому что нет социальной среды, создающей такую атмосферу. Формирование подобной среды – дело будущего. Но только формирование это не может происходить ни путём изоляции, ни – тем более – путём зажима и вытеснения с территории страны других, развитых культурных традиций. Ничего плодотворного из этого не получится!

– Ситуация в плане отношений с Россией будет только ухудшаться в ближайшее время? Есть шанс на то, что русский язык и Россию как таковую – не нынешнюю, а Россию вообще – перестанут воспринимать как зловредный ад по соседству?

– По сути, общий политический расклад на Украине никак не изменился, – отвечал Гофман. – Полстраны – за националистов, полстраны – резко против. А значит: эти вторые полстраны отнюдь не воспринимают Россию как, по вашему выражению, ад по соседству. Учтём, к тому же, что в состав этой половины входит значительная часть населения Харькова, Донецка, Луганска, Симферополя. Между прочим, в Харькове на сегодняшний день – гораздо больше настоящей интеллигенции, чем в Киеве. И научной, и творческой. Даже в Донецке, из которого оранжисты создают какое-то неадекватное пугало, есть прекрасная интеллигенция.

А Киев ведь, хотя и имеет формальный статус столицы, на самом деле очень мещанский город.

Что же до широких масс украиноязычного населения, то, мне кажется, они бы отнюдь не воспринимали Россию как врага, если бы такие настроения не внедряли влиятельные националистические политики и идеологи. А они внедряют. И – провоцируют.

Очень хотелось бы, чтобы российская просвещённая и творческая среда проявляла к нашим проблемам больше чуткости. Не демонстрировала, как это часто у вас делают в либеральной среде, неточную картинку: Украина – луч света в тёмном царстве. Не слушала избирательно голоса лишь тех сил, которые гладят по шерсти либеральное, тусовочное сознание.

По сути дела, силы на Украине, не желающие разобраться в том, что реально происходит в России, и такие же разные российские силы, не желающие разобраться в том, что происходит у нас, – зеркальные отражения друг друга.

Едва ли возможно оспорить, что все события приближающегося года были, так или иначе, в этих разговорах затронуты: и настойчивая украинизация страны, отнюдь не целиком состоящей из украинцев, а в лучшем случае наполовину, и лукавое поведение интеллигенции – что российской, что киевской – не желающей видеть явный националистический крен новейшей украинской оппозиции, и даже ключевые фамилии надвигающегося Майдана названы, и проведена линия, по которой одна половина страны отличается от другой, и поименованы конкретный Донецк и конкретный Луганск, которые уже тогда вызывали раздражение в киевской среде, и тренд на тотальный антикоммунизм, за которым скрывалась элементарная русофобия и экономический передел, тоже обозначен, – оставалось совсем чуть-чуть до того момента, как по всей Украине начнут валить памятники Ленину, а заодно и крушить мемориалы советским солдатам-освободителям.

Не знаю, как другим, а мне – спустя полгода, когда пошёл крик о том, что Россия одурочена собственной кипучей пропагандой и виновата во всём, что происходит в Крыму и на Донбассе, а Украина едина, как никогда, и не виновата ни в чём, и ко власти тут пришли новые люди, а бандеровцев здесь нет и в помине, – ...мне было и смешно, и грустно.

Нас никто не услышал вовремя, а когда всё случилось – нам не принесли рюмку водки со словами: ох, ребята, зря мы не обратили внимание на ваши слова раньше.

Да теперь и не до этого уже.

С конца 2013 года я вёл записи чужой смуты, ставшей смутой своей, – не столько описывая события, сколько рассматривая свои ощущения, главным из которых было: «Это уже случилось с нами! Это не в первый раз!» – и тут же публиковал эти заметки где придётся, чаще всего в собственном блоге.

Выяснилось, что самые разнообразные события из великорусской и малоросской истории связаны с происходящим напрямую, даже если имели место сто, двести или тысячу лет назад.

Что русская литература, поэзия и проза, воззрения и суждения национальных классиков удивительным образом иллюстрируют всё, что мы видели, слышали и пережили в течение года.

Десятки, а то и сотни из приведённых далее записей спустя час или день перепечатывались в печатных и сетевых изданиях.

Я нашёл себе множество ненавистников и приобрёл ещё больше друзей.

Сначала я смотрел на происходящее как человек, влюблённый в Киев, считающий его лучшим и самым красивым городом на земле и переживающий о родственном мне народе.

Потом я смотрел на это в упор, вблизи – добираясь к своим братьям, ополченцам и сепаратистам на Донбасс – то с рисковыми попутчиками, объявленными в розыск новой Украиной, то на собственной машине, во главе колонн с гуманитарным, да и не только гуманитарным, грузом.

Записи появлялись буквально каждый день – ничего не отстаивалось внутри подолгу, было не до этого: хотелось скорее прочертить контуры будущего.

Будущее приходило и, к несчастью, снова подтверждало все высказанные опасения.

Готовя книжку к публикации, я ничего не правил – в заметках всё осталось, как и было.

Мне не стыдно за сказанное мной – и я по-прежнему убеждён, что глаза мои были трезвы, а суждения – разумны.

Тем же, кто думает совсем по-другому, скажу одно: я смотрю на всё глазами того народа, к которому имею счастье принадлежать.

Правды, которую, как одеяло, можно натянуть на всех сразу, – нет.

Выносила бы меня другая мать и породил бы другой отец – всё, возможно, было бы иначе.

Но всё есть как есть, и так тому и быть впредь.

Вступление в тему. «Дайте им досмотреть свои сны»

1 декабря 2013 г., Майдан начался

Наше мистическое представление о Европе – оно необычайно, очаровательно, необъяснимо.

Украина стремится в Евросоюз с таким видом, как будто садится на огромную, комфортабельную баржу и уплывает от России прочь, через моря и океаны: прощай, немытая, прощай! Теперь тебе, проклятая, не дотянуться до нас! Проща-а-ай!

Во всём этом есть что-то детское, что-то милое, наивное, чудесное.

Вступила бы Украина в Евросоз, легла бы спать в усталом, но удовлетворённом состоянии, утром проснулась (чувствуется нежнейшее солнце сквозь ресницы), потянулась, чуть пристанывая от счастья, ти-и-ихо открывает глаза (рядом должен лежать Евросоюз – спокойный, с красивой щетиной, самоуверенный, добрый, щедрый, пахнет одеколоном) – а там, чёрт тебя подери, всё равно лежит Россия. Лошадь такая, вместе со всадником, оба пахнут, оба ржут, у обоих огромные зубы, и ещё много копыт у этого чудовища.

Как же трогательна эта религиозная вера в бумаги и союзы, в печати и постановления, в цивилизованный европейский мир, который не даст в обиду, накормит, приглубит.

Украинские студенты каких-то вещей не понимают, их бьют, это ужасно, не надо никого бить. Но взрослые люди есть на Украине? Должны же быть.

Европа стоит на пороге цивилизационного европейского кризиса: он только начался, но несколько стран уже обанкротилось, Европа погружается в пессимизм и хаос, и даже более-менее благополучная Франция отдаёт себе отчёт, что всё идёт куда-то не туда.

Возмущённые украинские граждане шумят, что Янукович тащит Украину в «совок».

О, милые мои. Всё ещё веселее.

Мари Ле Пен (надеюсь, вы знаете это имя – женщина уж точно не менее пассионарная, чем ваша Юлия Тимошенко, но какие-то вещи понимающая чуть лучше, чем Юля) не так давно сказала: «Евросоюз – это СССР в наихудшем его виде».

Понимаете? Даже не в обычном виде, а в наихудшем.

Но нет, вы, конечно, не понимаете.

Украина, очертя голову, стремится туда, где никакого счастья не будет, а будет что-то другое.

Слушайте внимательно, мы ещё раз предоставим слово французскому политику Мари Ле Пен: «Евросоюз не соответствует интересам и чаяниям европейцев. У нас нет суверенитета, свободы, нам навязывают что-то из Брюсселя, к чему мы вообще никакого отношения не имеем...»

Может быть, Украина тоже хочет не иметь к себе никакого отношения? Ну, так пусть ей об этом скажут, а то она не догадывается, куда собралась.

И далее Мари Ле Пен продолжает: «Нам скормили Евросоюз как якобы единственный способ быть экономически и политически сильными в противостоянии с США, Китаем, Индией и Россией. Однако мы никогда не были слабыми, как сейчас! У Франции не осталось ничего: ни своих денег, ни суверенной территории, ни возможности принимать самостоятельные экономические или политические решения. Мы на вассальном положении. Франция – не нация больше, а придаток Евросоюза и умирающего евро».

Когда Украина, надрывая душу, кричит о свободе, надо, чтоб хоть кто-нибудь объяснил, как она будет выглядеть.

Если Франция – это придаток, то на каких условиях там окажется Украина?

Евросоюз не спасёт эту чудесную страну, не даст благоденствия и покоя, но истаскает, измучает и, рано или поздно, отвернётся.

Между тем, эта Россия с её зубами, с её копытами, с её ржанием и храпом – она не денется никуда.

Обидно, неприятно, но делать нечего.

Писатель и революционер Аркадий Бабченко рвётся в Киев: за нашу и вашу свободу, в общем. Может, он уже там.

Я, когда слышу такие новости, беспомощно оглядываюсь вокруг: люди, что происходит? Что с вами происходит?

Уставшая от самой себя, прекрасная и солнечная страна Украина стремится забраться на баржу и отправиться в вояж. Российский либерал подсаживает её, помогает ей, говорит: скорей, скорей, пока не подтянулись полки наших опричников, дивизии КГБ, колонны черносотенцев.

Нам тоже не нравится ни российская власть, ни украинская – но при чём тут это, граждане либералы?

Эта баржа уже хлебает воду, она всё равно не увезёт никакую Украину.

Утонет где-нибудь по пути, в ста метрах от берега. Обратно придётся вплавь добираться.

Жалко, что не будет Украине никакого Евросоюза.

Как было бы славно, если б Украина вернулась через год, или там через три, сырая, босая, обескураженная, с застуженными придатками, осатаневшая от случившегося с ней – неожиданно вылезла бы на свой берег и как засадила российскому доброхоту (он так и стоит на берегу, машет платочком, всматривается в голубую даль) по зубам.

– Эй, ты чего? – спросил бы он. – Я же добра тебе хотел.

– А ничего, – ответила бы Украина, и пошла дальше.

Чтоб обладать подобным опытом – надо его прожить. А то так и будут украинцы видеть сон, как плывут они вокруг света, а вокруг солнце, европейские ценности, чайки, демократия, и море не солёное, а сладкое.

Дайте им досмотреть этот сон. Всё равно ведь потом просыпаться.

Нам, им, всем.

Часть первая. Майдан. Зимние записи

* * *

И начнём мы, братие, плач клятого москаля.
На все лады западно-украинские наши соседи повторяют: прочь от путинской России.
И смотрят на нас так, что если ты с пониманием не кивнёшь – значит, ты путинский холуй.

Подразумевается, что определение «путинская» главное в этом словосочетании.

Как будто есть какая-то Россия, которая была бы симпатична нынешнему западно-украинскому народу.

А если бы это была Россия Петра I или Екатерины II – она что, больше бы понравилась Майдану? Россия Иоанна Грозного, Александра Освободителя, Ленина, Брежнева, Ельцина – с какой из них тянет подружиться?

Да ни с какой не тянет, нет такой России и не было.

Слово «путинская» – это просто разводка для доверчивых.

Хотя ответный ход моих украинских товарищей я могу предположить, они сейчас скажали бы: можно иметь дело с цивилизованной Россией.

Стой Россией, которая будет как Европа – причём Европа гипотетическая, почти иллюзорная. Европа, которая не лезет ни в чьи дела, Европа благоденствующая.

Но самые сильные европейские страны лезут в чужие дела.

И далеко не все благоденствуют.

Польша, Румыния, Венгрия, Чехия – тоже Европа. Там что, создали какую-то необычайную цивилизацию, российской не чета? Да нет, плюс-минус такие же страны, только в пятьдесят раз меньше.

Однако Россия никогда не считалась цивилизованной в европейском смысле этого слова, нас так и не приняли в компанию, и уже не примут – слишком большая, слишком, по выражению философа Владимира Бибикина, «растрёпанная», даром что по уровню вклада в мировую культуру – русские один из пяти-семи ведущих народов – среди сотен наций. Но кого это волнует: сказали «нецивилизованные», значит, так тому и быть.

Глава страны во всей этой истории – дело десятое. Сегодня есть один, завтра будет другой. Важнее цели далеко идущие.

Если переводить с украинского на русский, то «Прочь от путинской России» означает просто «Прочь от России», давайте уж признаемся себе в этом.

Силы, которые являются определяющими на майдане, ориентированы на Запад, на дальнейшую дерусификацию восточной Украины, на лишение русского языка хоть сколько-нибудь весомого статуса.

Да и как может быть иначе, когда едва ли не весь (или всё-таки весь?) героический иконостас нынешней политической Украины – это люди, боровшиеся с русскими (иногда сразу с русскими и с немцами, или с русскими и с поляками – как будто это должно нас успокаивать: «...а, ну раз так...»).

Никто же не кричит на Майдане: давайте прогоним этого президента и создадим искренние, а не подлые, добросердечные отношения с Россией, портреты Бандеры приберём подальше, установим твёрдый статус русского языка, обнимем брата, забудем старое.

Напротив, коррупция Януковича отчего-то воспринимается так, словно эту коррупцию завезли из России. Вроде как не будет России – не будет коррупции.

Да ладно вам: что у вас, при Кучме или при Ющенко было меньше коррупции? Зачем вы всё с ног на голову переворачиваете? Это ваша собственная коррупция, вы её безо всякого Путина создали. Путин вон и с Лукашенко как бы дружит – что-то у Лукашенко нет такой коррупции. Много чего другого есть, а такой коррупции (то есть разбазаривания государственных средств в сугубо личных целях и вывода активов за рубежи) нет.

Да, Россия лезет в суверенные дела Украины, многим это не нравится. Но что это за позиция: пусть лезет кто угодно – лишь бы не Россия.

Кличко ездит в Мюнхен, там его заждались, Янукович докладывается Обаме о ситуации в Киеве – украинцев с Майдана это меньше всего волнует. Что было бы, если б они так Путину докладывались?

Эмиссары и комиссары со всей Европы съехались – вот бы русские консультанты так бродили по Майдану.

Многих бесит (и меня бы бесила) позиция «старшего брата» со стороны русских. Но зададимся вопросом: а разве не ведёт себя США по отношению к Украине как старший брат? Без малейших на то оснований! Ну да, американцы – великий народ, но кто они такие вообще в этой ситуации?

Разве майданная Украина стремится в Европу не на основаниях, простите, младшей, заблудшей по вине России сестры? Я така затуркана, така затуркана, хочу пожить как человек.

Почему эта лишённая самодостаточности позиция («хотим жить, как вы, вместе с вами, в одном союзе» – а то они там ждут не дождутся) не является унижительной?

Почему майданные украинцы доказывают нам, что у них нет национализма только по той причине, что там стоят за их свободу армяне, евреи, татары и те же русские? Некорректный (и, дай бог, корректным не будет) пример, но в Чечне тоже воевали за свободу арабы, прибалты, и наш брат украинец изредка встречался, и даже русские вырождались. Означает ли это, что в Чечне не было национального движения?

И без конца вбрасывается тема: это не «Беркут» у нас, это не «Беркут», это всё «Витязь», из России завезённый, это всё «Витязь» из Москвы бьёт наших ребят на Майдане. Нашли хоть одного витязя, нет?

Забавляют рассказы на тему, что к русским на Майдане относятся хорошо, многие благодарят россиян за поддержку, да что там: все видели, как обрадовались открытому письму российских писателей за свободную Украину. Но есть ли хоть один украинец, знающий все эти фамилии? И существует ли хоть один украинец, который может представить, что бы такое письмо подписали другие известные писатели – ну, там Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой, Чехов, Михаил Булгаков, Ахматова, Бродский?

Всё это «хорошее отношение украинцев» – лукавство: относятся хорошо только к тем русским, которые поддерживают лозунг «Прочь от России».

Бывают и такие русские, это нормально: кто тут у нас только не живёт. Однако их – вопиющее меньшинство, при желании можно поимённо перечислить.

Но, как правило, русские – другие.

Давно стоит назвать вещи своими именами. В ваши дела лезет Россия, а не конкретный президент.

То есть, лезут к вам все подряд, и Россия тоже – потому что это нормально, это политика, это экономика, это безопасность, это жизнь.

Все страны друг на друга влияют, куда только не лезут вышеупомянутые американцы, китайцы, японцы, Румыния лезет в Молдавию, да и к вам тоже, Германия имеет множество сложноразветвлённых интересов, даже самые, казалось бы, мирные и дружелюбные страны имеют свою армию, разведку, шпионскую сеть, свои корпорации, общественные организации, своих дотируемых фашистов и антифашистов, зелёных, оранжевых, каких угодно.

Посторонние заплывают в чужие морские воды, в чужую постель, в чужой менталитет – мир так существует, самый что ни на есть цивилизованный. Потому что мир – это непрерывный конфликт интересов, а интересы у всех разные.

И зачем тогда эта наивная мина, это непрерывное негодование на тему довлеющей России?

Вот Путин дал несколько миллиардов в долг Украине – «лезет». Если б лез – взял бы двенадцать «ярдов». А тут дал, агрессор какой.

Когда б Россия вложила одну сотую сочинского бюджета в Антимайдан – на Украине давно гражданская война была бы.

Как бы она без России не началась.

А пока Россия ведёт себя скромно, мирно, почти ненавязчиво.

Но вы же сами назвали происходящее Майданом: у вас там торг, праздник, гулевание.

Мы тоже хотим участвовать во всём этом, мы привлечены шумом, огнями, фейерверком.

Вы боретесь за свою судьбу – а у нас имеется личный интерес: мы ж, вроде, не совсем чужие, как нам отсюда кажется. Неужели России меньше дела до Украины, чем немцам или румынам? Ну, правда? На Украине куда больше людей, которые говорят на русском, чем на английском, французском, немецком или польском вместе взятых. Вы хотите, чтоб мы сделали вид, что здесь про это забыли? Грош цена была бы такой России.

Нам тоже не нравится ваш президент. Более того: нам и свой не всегда нравится. Просто не надо путать неактуальную политику с актуальной историей.

Президенты – всего лишь люди в конкретной исторической точке. История России и Украины на этом не закончится.

Жаль, конечно, что государствам или отдельным областям нельзя меняться квартирами, как людям. Взяла бы майданная Украина и сменила жилплощадь, поселившись на комфортабельном острове возле Латинской Америки. И тема была бы закрыта.

А так будет открыта. Всегда – пока смерть не разлучит нас.

Такое вот послание вам – из России, с любовью. За нашу и вашу свободу. Но пасаран, славянский брат. Победы вам в вашей войне против коррупции и «семьи». Поражения вам в вашей борьбе против нашего родства и русского языка.

Только не будет у вас никакой серьёзной и окончательной победы в первом пункте до тех пор, пока к нему лишним вагоном негласно подцеплен второй.

* * *

В IX веке Древняя Русь, если смотреть на карту, напоминает голову лося, приноживающего к Европе. Киев – ноздря, Новгород – глаз, Белоозеро – ухо. Кореляне – на рогах. В самом центре – Смоленск.

В Европе просматриваются франки, королевство Норвегия, королевство Дания и Болгарское царство. А дальше – чёрт знает что, целый винегрет мелких княжеств, ни одну современную европейскую страну не узнать.

Но при этом считается, что у русских молодая государственность, а в Европе – государственности ста-а-арые.

Крым тогда принадлежал Ромейскому царству, а Днепр до самого Переславля был ничей, никого там не водилось, никаких славян.

Если и были какие, то прятались в камышах. Ждали своего часа.

* * *

Русь уже в самом начале не была «нормальной» страной и ужасно отставала от просвещённой Европы.

Дело в том, что рабов здесь было мало (в основном из числа пленных, которых зачастую, после определённого срока, отпускали) – и рабовладельческая формация в принципе не сложилась.

Мы пропустили огромный этап, так и не нагнав великую Римскую империю и т. п. «настоящие» страны.

Оттуда все беды, думаю. Сразу всё наперекосяк поехало.

Может, стоит открутить всё к началу? Обратить кого-нибудь в рабство и начать «нормальный цивилизационный путь».

* * *

У нас, кажется, серьёзный юбилей: в 1014 году, то есть ровно тысячу лет назад, Древняя Русь столкнулась с бедой ещё неслыханной. На её землю пришло совместное германское и польское войско, в компанию «объединённая Европа» позвали себе печенегов, приплатив им.

Дело, впрочем, традиционно закончилось ничем: погуляли и ушли домой в Европу (а печенеги к себе, в ожидании следующего целевого перевода). На первый раз их не догоняли.

Нужно ли говорить, что в Европе, естественно, уже тогда была цивилизация и некоторые чуждые нам европейские ценности.

Так что, все любящие тему «захватил бы нас Наполеон» (Гитлер, Рейган и т. д.) могут начинать с 1014 года. Захватили бы – и жили бы как люди. Не надо было бы, например, иностранные языки учить. И так бы на них говорили.

А то, что не было бы иконописи Рублёва, монастырей, «Слова о полку Игореве», «Слова о Законе и Благодати», «Задонщины», Жития протопопы Аввакума, Ломоносова и Державина – так я даже знаю контрдовод: «Ещё лучше было бы искусство».

Нет, правда, они так и думают. Я у одного известного прогрессивного чудодея читал мысль: если б Достоевский не был антилибералом – его романы были бы ещё лучше.

Эта мысль настолько глубока, что голова начинает кружиться, когда её думаешь.

Я, когда пытаюсь представить, как выглядит моё сердце, чувствую примерно то же самое. Лёгкую тошноту и бесперспективность размышлений.

Достоевский написал бы куда более лучше «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых», а у Пушкина стихи бы лучше получались, а у Гоголя «Тарас Бульба» удался бы, а у Лескова, а у Розанова, а у Есенина...

Но всё у нас пошло наперекосяк. Ах, дали бы прогрессисту подправить да подкрасить этих недотёп. Вот была бы картина.

* * *

Украинский драйв симпатичен, конечно. Просто как драйв. Но даже победа этого Майдана приведёт к тому, к чему привёл и прошлый украинский Майдан: через три года страна окажется в том же месте, где и была. Как тот лось из анекдота: я пью, пью, а мне всё хуже и хуже. Украина может получить куда более реальную свободу от России, если пойдёт

«налево», а не в Евросоюз. Но она туда не пойдёт. Потому что олигархи, подонки и воры «налево» не ходят.

Мы видим: народ украинский – крутой, пассионарный, упрямый. Если они не свалят Януковича – гражданская война продолжится. Беда в том, что если Януковича свалят – гражданская война не остановится, но продолжится тоже.

Зимний воздух насыщен этим чувством.

* * *

Хороший поэт и, кстати, русский националист Игорь Панин пишет:

«Советских страшно корёжит от Майдана. И дело не в идеологических разногласиях и не в том, что “на Украине полно русских” (вам, советским, всегда было плевать на русских), а в том, что...

Там люди осмелились выступить против начальства.

Вот это в глазах советских – есть наипростейший грех».

Известный журналист Айдер Муждабаев, один из руководителей газеты «Московский комсомолец», отъявленный либерал и большой поклонник Майдана, делает немедленный перепост, ему очень нравятся слова русского националиста.

Советские – самой чистейшей пробы советские! – толпами в миллионы человек разнесли в 1988–1993 годах всю страну. Более «советских», чем те, – в природе не бывало. Выступали против начальства десять лет подряд так, что земля тряслась.

Но мало всё! Если вам сказано, что вы – «советские», так и сдохните с этим клеймом на лбу.

Перед нами обычный, на этот раз уже националистический двойной стандарт: Отечественную выиграли не советские, а русские, а дальше уже они опять стали советские. Когда надо – русские, когда надо – советские, как шашечку, можно перевернуть: щас мы в шашки играли, а щас я уже в Чапаева играю! – А что не предупредил? – А чего предупреждать, и так всё ясно!

Вообще же, эта уловка – в нужных случаях называть «советскими» обычных русских – придумана не Паниным. Это и Крылов Константин делает, писатель, публицист, националист, умнейший человек, и Галковский Дмитрий, философ, «бесконечный тупик», умнейший человек, и многие их надутые подпевалы. И это ровно тот пункт, где русские националисты сходятся с местными либералами.

На самом же деле – это типичная русофобия, братья мои. Нет никаких советских, а если были, то вымерли. Для вас раб – «советский», а для либералов сплошь и рядом: и самодержавный – раб, и православный – раб, и много ещё есть рабских разновидностей. Поэт по фамилии Пушкин, наверное, когда приветствовал разделы Польши, «советским» не был. Просто спорадически проявлял рабско-имперское сознание.

Ну и, наконец, наблюдая за своими «советскими» знакомыми, я хочу сказать, что в целом никого не корёжит. Людям больно, люди переживают. Они имеют некоторые основания волноваться не только за то, чтоб банда Януковича съехала с Украины, но и за то, чтоб другая банда не влезла во власть, чтоб, кстати сказать, выгнать Черноморский флот и закрыть все русские школы на Украине. И если это случится, я не знаю, что тогда Игорь Панин будет писать про «советских». И будет ли вообще. Напишет, может быть, что это «другая история» и что «свободой Украины воспользовались нехорошие люди». А это будет ровно та же самая история.

* * *

Нижеприведённый диалог случился у нас ночью в социальных сетях с одним из руководителей газеты «МК», при участии зашедшего на огонёк прогрессивного блогера Михаила Болотовского.

Причина спора: перестрелка и гибель людей на Майдане.

Комментировать, в сущности, незачем: каждый сделает выводы по желанию. Главные выводы сделает время.

Характерно лишь одно: любой из российских прогрессивных деятелей сказал бы, уверен, ровно то же, что и Айдер.

Итак, Айдер Муждабаев пишет:

«Как же вам не стыдно, люди (люди ли?), которые поддерживают убийцу Януковича?

Ведь его скоро не будет, а вы – останетесь. Как вы будете жить соучастниками убийств? Как будете говорить, дышать? Ведь все его жертвы – в том числе и на вашей совести (совести?).

Пока не поздно, пока ещё можно остаться людьми, – подумайте. Отрекитесь от фашистов. Это потом не смоешь».

Здесь появился мой комментарий:

«Айдер, и всё-таки. Янукович подонок. Но один вопрос я всё равно задам. Ты поддерживал Бориса Николаича Ельцина в 1993 году?»

Ответ был прост: «Да, Захар, поддерживал».

«Спасибо за честность, Айдер, – пишу. – Вопросов нет».

Айдер Муждабаев: «Захар, почему же вопросов нет – пожалуйста, задавай. Я отвечу. Я всё прекрасно помню: и Ельцина, и тех, кто тогда был против него. И я, в отличие от журналистов НТВ, не получал ни от кого денег, поэтому смогу ответить честно. Собственно, это всего два слова. Те, кто были против Ельцина, обещали немедленно возродить совок и цензуру. Они говорили это прямым текстом. Я был к этому не готов. И сейчас не готов, считал это концом всей жизни, поэтому был против. Честно ответил?»

Захар Прилепин: «А зачем объяснять, я и так знаю объяснение заранее. Просто выясняется, что иногда всё-таки можно стрелять. Из танков по безоружным людям. Огромное количество которых не хотели возрождать “совок и цензуру”, а, равно как и украинцы, хотели выгнать оборзевшее жульё, сделавших ровно то же самое, что и Янукович: поделивших страну и заработавших на этом миллиарды».

В разговор вмешался Михаил Болотовский и обратился ко мне: «Вы тут про Ельцина вспомнили. Странно. Хотите его померить с януковичами? Ельцин пёр, как супертанк, с идеей, да, больно ему было, и запивал сильно, но он шёл, потому что была идея России – как он её видел. Которая на самом деле явится через двести лет вперёд – поклон Гоголю. А эти ваши януковичи, которые за деньги, – ну, это совсем неинтересно. Это для Гааги. А Ельцин – для истории».

«Это история разрешит, – написал я, – кто для Гааги, кто куда. Вопрос ведь поднят элементарный: можно ли поддерживать людей, которые стреляют в безоружных. Ответ: да, можно. Особенно Айдер поторопился с объяснением, почему можно: потому что, ужас, за цензуру. Цензуры хочешь: а вот лови из пушки. И по официальным подсчётам убили 500 человек, включая женщин и детей. Януковича обошли на раз. Но вообще, как уверяют знающие люди, в пять раз больше. Что до “совка” – то никакого “совка” демократы Рущкой с Хасбулатовым не восстановили бы никогда».

Муждабаев, видимо, почувствовал некую шаткость своей позиции и решил ещё раз объясниться: «Я не оправдываю человеческих жертв, это был ужас просто, я сам тогда писал

о тех событиях для своей газеты, меня чуть не убили на крыше дома у БД, куда мы с коллегой забрались – над нами завис вертолет, но мы вовремя слезли по пожарной лестнице. Потом я был напротив Белого дома, когда была перестрелка, пули пролетели в сантиметрах пятидесяти от макушки. Ветки с дерева посыпались от очереди. Я всё это помню.

Захар, это ты сейчас говоришь, а тогда я был абсолютно уверен, что вернётся совок, это было понятно из всего, что говорили Руцкой и Хасбулатов».

«Ну а я сейчас абсолютно уверен, – ответил я, – что при определённом раскладе будет очень плохо на Украине не только Януковичу и семье, но многим моим товарищам, в том числе хорошим писателям, выступавшим против Майдана, что Россия потеряет Черноморский флот, и что последние русские школы закроются через десять лет, и что к власти придёт ровно такое же ворьё, как Янукович, только крепко взятое за пуговицу заокеанскими друзьями, и ещё много в чём. Например, в том, что борцы за свободу могут безо всякой России грохнуть свою собственную страну... Разница у нас в одном: ты тогда был за Ельцина, а я сейчас против Януковича. Но это разница не частная, а очень многое объясняющая. Не в тебе и во мне, а в нас и в вас».

«Захар, никто твоих друзей не тронет, – успокоил меня Айдер. – Украинцы построят нормальную страну без убийц и бандитов».

Конец цитаты.

Показательно, что про Черноморский флот и русские школы Айдер благоразумно промолчал. Ну, хоть за друзей спасибо, что о них позаботился. Правда, тут же к разговору присоединился некий не местный гость, пообещавший, что друзей моих они накажут обязательно.

* * *

Дочитал любопытную книжку «Неделя в декабре» современного английского писателя Себастьяна Фолкса. Сделано очень сдержанно, местами по-английски остроумно, неспешно, непафосно.

Один забавный момент отметил. Там появляется в числе героинь русская девушка Ольга. Автор так и пишет про неё – «русская девушка». Подруга футболиста, снимается для всяких эротических сайтов, на неё (в ноутбуках) смотрят на досуге несколько героев романа – она как бы объединяющий, э-э, фактор в романе. В определённой точке её тела периодически сходятся взгляды главных мужских героев.

Потом вдруг выясняется, что эта русская девушка родилась и выросла в украинском селе. То есть она как бы и не русская девушка, но для современного английского писателя (очень известного в Англии) никакой разницы между украинской девушкой и русской нет – они все для него «русские девушки».

Вообще это не признак заблуждений конкретного Фолкса: я в разгар Майдана общался с немецким режиссёром, потом с итальянским издателем, следом с французским сочинителем – они мне все поочерёдно признавались, что толком узнали о существовании Украины только после того, как загрохотало и задымилось в Киеве, – до этого они были уверены, что это место на карте занимает кто-то вроде России.

Я, собственно, только к тому веду, что, когда сегодня в Европе льют крокодиловы слёзы по поводу Украины, – все эти люди немного лукавят: они стали жалеть Украину только по той причине, что её якобы терзает Россия. И то лишь потому, что им объяснили, что это две разных страны. Хотя сколько-нибудь внятные различия одной от другой им неведомы. Вернее сказать, про одну из них они не знают вообще ничего.

* * *

Российское государство по отношению к либеральной интеллигенции ведёт себя грубо, но она сама напросилась, трудно было не заметить.

Однако когда есть выбор, с кем легче поругаться одинокому художнику и мастеру, к примеру, слова – этот мастер с удовольствием выберет государство, потому что с либеральной интеллигенцией ругаться – себе дороже.

Я вот, скажем, догадываюсь про отношение Татьяны Никитичны Толстой к украинским событиям. О, это было бы мощно – если бы она сказала про это вслух.

Но она будет говорить про цветочки всякие, салаты оливье, издеваться над российской Думой – но об э-э-э-этом... Об этом – никогда!

Это ж своя среда. Она там живёт. Нет, вообще она живёт в русской классической литературе, тут уж ничего не попишешь – несмотря на её людоедскую публицистику, писатель она серьезной силы. Была, по крайней мере. Однако сделать жест против среды в данной среде – это кошмар-с.

Помню, в Париже наблюдал, как Татьяна Никитична нежнейшим голосом зовёт Рубинштейна за завтраком: «Лёвочка, иди к нам за стол!»

Как бы она звала Лёвочку, если бы рассказала нам про Майдан, «Правый сектор» и своё отношение к украинскому языку? Не пошёл бы к ней за стол Рубинштейн. Или пошёл бы, но с плохим, недобрым, утомлённым лицом.

Нет уж, лучше смолчать Татьяне Никитичне – так, возможно, решила про себя Татьяна Никитична.

А если кто-то спросит у неё напрямую об этом, она, естественно, скажет только про «имперскую слизь» и про «охлос», имея в виду, само собой, русскоязычный охлос. Про этот охлос – всегда можно, ему всё равно.

* * *

В эту смутную зиму сорок раз на дню приходится читать: «...русские хотят, чтоб их любили – а за что их любить?» Никакой проблемы нет в том, что о нас такое пишут. Проблема в том, что определённому отношению надо соответствовать. Посему я вывел формулу.

Вот она.

Русские должны быть ровно такие, насколько их не любят.

Хотели наглую харю в ушанке, которая лезет своей харей в чужие дела, – вот вам наглая харя. Чтоб потом никому не было обидно. Чтоб не возникало когнитивного диссонанса, как сейчас принято говорить в просвещённых кругах.

А то вижу повсюду тихих, интеллигентных людей, какие ж это русские – от итальянца неотличимые, и от испанца тоже почти нет, несколько склонны к морализаторству, к переоценке собственной значимости, но совсем не злые, отлично воспитанные, хорошо изъясняющиеся на вольные темы, а им: «наглая харя, ушанка, агрессор, за что тебя любить». Нехорошо-с. Несоответствие налицо.

Идите за ушанкой, короче.

* * *

Имеется и часто обсуждается одна, наверняка вам знакомая тема. Суть её сводится к следующему утверждению: «Россия – прирождённая раба, триста лет ордынского ига сформировали народный характер. Потри любого русского – обнаружишь татарина».

(Странно, что никто не говорит: потри любого татарина – обнаружишь русского.)

Такое ощущение, что пока русских злые ордынцы держали на привязи – все остальные европейские народы резвились на своей лужайке, изнемогая от свободы, поэтому и выросли такие демократичные.

Но давайте посмотрим чуть пристальней.

С кого, к примеру, начнём. Румыния?

Румыния – это, по сути, три княжества – Валахия, Трансильвания, Молдавия.

С XI в. Трансильвания была частью Венгерского королевства. В XVI веке вся будущая Румыния ушла под Османскую империю.

Собственно отдельным государством Румыния стала только в XIX веке.

Придёт здесь кому-нибудь в голову сказать: румыны никогда не были суверенной страной, потри любого румына – обнаружишь турка? Или венгра?

Нет, никому в голову не придёт так сказать, это ж не русские.

Кстати, Венгрия. По возрасту – она чуть моложе Руси-России (существует примерно с X в.).

Но во второй половине XVII в. Венгрия стала частью владений Габсбургов, и так продолжалось двести лет, пока не появилась Австро-Венгерская империя.

Болгария входила в состав Византийской империи, а затем Османской – болгара тоже три сколько хочешь, что угодно можно натереть.

Чехами сначала владели франки (с IX в.), потом туда заходили поляки, а с XI по XIV в. чехами управляли немецкие императоры (потрите и чеха, пожалуйста). В XVII веке немцы снова вернулись; короче, всерьёз чехи получили независимость в далё-ё-ё-ёком 1918 году.

Италии в нынешнем виде до 1861 года вообще не было, поэтому если потереть итальянца, можно вообще чёрт знает кого обнаружить. Но никто не трёт. Никто не сомневается, что есть национальный итальянский характер. В XVI в. Италией владела Испания. В 1805 году Италия на некоторое время перешла во власть Наполеона. К тому моменту, когда Италию объединили, итальянцы ещё не умели мыслить себя как единый народ; и с тех пор не особенно научились.

Португалия сначала часть XVI и XVII вв. была подвластна Испании, в XVIII в. – попала в политическую и экономическую зависимость от Англии.

Представляете себе такое рассуждение: «Рабская натура Португалии, потри любого португальца – найдёшь испанца», – как вам? Можно и в ухо получить за такую глупость; правильно, это ж не Россия.

Испанией в определённые периоды заправляли арабы и французы.

Норвегия стала государством в IX веке, но уже в XIV потеряла независимость, и владели потомками викингов – датские короли. Сотни лет! Мысли о независимости у норвежцев появились только к XIX веку, но в итоге Норвегия перешла под протекторат уже Швеции. Тереть не перетереть и норвежца тоже.

Ирландия с XII века всячески третируется Англией, пока в 1801 году не стала частью королевства.

Польшу периодически делили и пилили на части ближайшие соседи.

Финляндия с XII по XIX век была в составе Швеции, семьсот лет. Ничего так, да?

Мы даже не говорим о государствах, которые вообще никогда, даже гипотетически, не были суверенными, пока их суверенность не проснулась в те трудные дни, когда они находились под игом России.

Но если вдруг заходит речь о русских, то вам – невзирая на десятки соседей, живших столетиями под чужим флагом, говоривших на чужих языках и отдававших лучших женщин чужим людям, – обязательно скажут: Орда, то-сё, крепостное право, молодой народ, ещё не дорос, независимость – это не по его части.

Ну-ну.

В мире, помимо Европы – в Африке, в Азии, в Латинской Америке, – имеются десятки стран, которые обрели независимость только в XX веке. До того момента они кому-то принадлежали. И не сто или двести лет – а всегда. Всегда. Их били, мяли, рассеивали, водили на цепях, заставляли работать на плантациях, гнали из края в край.

Но никто никогда не рискнёт вслух сказать о большинстве этих народов хоть одно дурное слово. «Рабское сознание афроамериканцев» – как вам? Не боитесь, что вас линчуют за такую шутку?

Правильно, в третий раз подсказываем, это же не русские.

Выбирайте сами: про Орду и рабское сознание затирают вам люди, которые: а) считают вас за идиотов; б) сами не очень здоровы; в) верны оба пункта.

* * *

Борис Березовский поверхностно, но в чём-то точно определил основные черты ведущих мировых стран: Германия – порядок, США – свобода, Россия – максимализм.

Отсюда, тем не менее, вполне понятным становится, отчего в Германии самая великая философия (порядок и упорядоченность), в США самая притягательная массовая культура (свобода, йоу), а в России самая великая литература (к человеку и внутрь человека на максимальных скоростях, невзирая ни на что).

Обиженная сторона и в этой истории тоже – Украина. Никому на свете в голову не придёт искать черту, определяющую Украину. То в одной, то в другой, то в тридцать третьей книжке европейского или американского сочинителя встречаются самые разнообразные объяснения: русские такие, русские сякие, главное в русских – это.

Можно найти определения финна, серба, испанца, поляка, ирландца, почти кого угодно. Но кто такой украинец и каковы его особенности – никому никогда не было дела.

Говорят, что Бисмарк определял основную черту украинцев как склонность к предательству, но потом выяснилось – это фейк, ложь. Бисмарк за свою жизнь много чего написал, но слово «украинцы» в его сочинениях не встречается ни разу.

«Лучше б обругал», как женщины говорят.

Единственные, кто всерьёз любил Украину, любовался ею, слагал о ней стихи и романы, – это русские. Русская литература – единственное место в Европе, где украинцы существуют полновластно, как часть европейской культуры.

* * *

В предисловии к одной книжке заметил фразу: «Пятьсот лет русской истории». Автор предисловия – российский политик, весёлый парень.

Я уже не раз подобную цифру встречал (в прошлый раз у Дмитрия Львовича Быкова, а вообще – периодически, у всякой хитровыдуманной публики). Ну, один раз встретил – пожал плечами, два раза пожал плечами, но вообще – что пожимать-то?

С какого перепугу эти наши товарищи отмеряют российскую историю с 1500 года – совершенно непонятно. Чтоб покороче была, или что?

Андрей Рублёв, Александр Невский, Сергей Радонежский, Дмитрий Донской, «Слово о Законе и Благодати», «Слово о полку Игореве» – это всё к какой истории имеет отношение? К польской, что ли?

Между 1237 и 1480 годами были созданы такие монастыри, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозёрский, Саввино-Сторожевский, Спасо-Каменный, Соловецкий, Ферапонтов Белозёрский, Пафнутьев Боровский, Троицкий Ипатьевский, Толгский, Иосифо-Волоколамский – которые хранили единство русской культуры во времена любых усобиц. Или это не русские монастыри? А чьи? Французские?

Что за блядские привычки, ей-богу. Нравится что-то обрезать – обрежьте у себя. Нравится иметь возраст поменьше – представляйтесь новым подружкам студентами циркового училища.

Ивану III говорят: «Знаешь, что, Ваня, история российская начинается примерно с тебя, а твоего дедушку, прадедушку и прапрадедушку мы туда не возьмём». – «Что, и Ивана Калиту?» – «И его тоже». – «И половину русских православных святых?» – «И половину русских православных святых!» – «И Юрия Долгорукого, основателя Москвы?» – «И его». – «А идите вы к такой-то матери».

Русская история – вполне себе линейна. Здесь тысячу двести лет живут люди, которые: – говорили на одном языке; с самого начала именовались «русами», «русичами», «русскими»;

– передавали из поколения в поколение песенный и былинный свод (кстати, сохранившийся в северных русских землях, а в насильно оторванной Киевщине и Галиции – практически утерянный); традиции иконописи и архитектуры; собственно великую православную традицию; и ряд, имеющих отношение только к этому народу, языческих традиций;

– занимали примерно одну и ту же сердцевинную территорию (от Ладоги до Переяславля с севера на юг и от верховьев Днепра до верховьев Волги с запада на восток); имели (до Романовых) одну династию, пришедшую из Новгорода в Киев, оттуда, ещё во время Древней Руси, перенёсшую столицу во Владимир и Суздаль, оттуда позже – в Москву.

Собственно поэтому русские князья вплоть до Ивана Грозного имели прямое отношение к Рюриковичам, а запорожские казаки, ставшие основой украинской нации, – к Рюриковичам, естественно, никакого отношения не имели.

Поэтому, грубо говоря, то, что на Украине рисуют Владимира Красное Солнышко на деньгах и ставят памятники Святославу, – это, конечно же, диверсия, потому что они прославляют русских князей, непосредственных родителей тех самых демонов, которые приняла на веру слова «Москва – третий Рим, а четвёртому не бывать». Именно от этой установки у вильной Украины всю жизнь были всякие проблемы и, видимо, будут впредь.

Это, впрочем, личное дело украинцев. А дело российских мыслителей и сочинителей – не гнать всякую пургу.

...Вообще же – это только в России может такая ерунда происходить. Любой затрапезный народ удлиняет себе историю на пять тысячелетий и потом балуется под одеялом со своими дурацкими комиксами («здесь жили инки, здесь древние китайцы, а здесь мы, непобедимые инцы»), а у нас вещи, очевидные всем, и бывшие совершенно непреложными для, скажем, Ломоносова, Карамзина и Пушкина, – вдруг стали в глазах наших современников путаться.

У Фонвизина есть пьеса на этот счёт, рекомендую.

* * *

Один молодой писатель в интервью через губу повторяет сто раз уже слышанное про то, что «сегодня нет писателей уровня Толстого и Достоевского».

Слушайте, ребят, писателей «уровня Толстого и Достоевского» нет никогда. С тем же успехом можно говорить «сегодня нет писателей уровня Гомера и Шекспира». И что?

Можно ещё сказать: «сегодня нет Бога уровня Бога».

Более того, во времена Толстого и Достоевского нельзя было сказать: что вот этот и вот этот – писатели уровня Пушкина и Лермонтова. Потому что это, как минимум, глупо. Вслушайтесь: «Тургенев и Лесков – писатели уровня Державина и Жуковского». Чушь какая-то.

Или вот начался Серебряный век. Что, можно сказать, что «Маяковский, Мандельштам и Есенин – поэты уровня Некрасова, Полонского и Фета»? Но это тоже какая-то чепуха.

И так далее. Из десятилетия в десятилетие эту благоглупость про «нет Толстого и Достоевского» повторяют, но тем временем есть Андрей Платонов, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Иосиф Бродский и Юрий Кузнецов. Берите и наслаждайтесь.

Нет никакого Толстого и Достоевского, и больше не будет никогда.

Но пройдёт время, и люди в университетах будут изучать Валентина Распутина, Андрея Битова, Эдуарда Лимонова. Будут удивляться, что здесь жили одновременно Александр Терехов, Дмитрий Быков и Алексей Иванов.

Потом наткнутся на высказывание одного молодого писателя про то, что у нас «нет Толстого и Достоевского», и скажут: вот чудак-человек, ерундой какой-то занимался, а мимо него ходили под ручку Хлебников с Маяковским.

...Лучше бы взял и сказал: «Я буду вашим Толстым и Достоевским». Это – заявка. А то нудят, нудят.

* * *

Не хочется кого-то обидеть, есть смысл вспомнить о событиях 1917 года.

Сначала произошла февральская революция, и в Центральной Раде стали звучать голоса о необходимости федерализации, а потом и отделения.

Страна начала валиться, фронт посыпался, началась анархия.

Знаете, что в Киеве местные активисты сделали первым делом? Свалили памятник Столыпину.

Следом случилась революция октябрьская.

Независимость себе так или иначе взяли Польша и Финляндия, страны Прибалтики – две из которых, равно как и Украина, до тех пор своей государственности не знали, но смогли всё-таки сориентироваться.

И только огромная Украина (размером с Францию!), имея, по выражению украинского публициста Олеси Бузины, «целую орду» бывших военнослужащих Российской императорской армии – по происхождению украинцев: 700 генералов, 60 тысяч офицеров и почти 2 млн. солдат, – странным образом проиграла всем и всё.

«Единственным самостоятельным успехом украинских вооружённых сил, – пишет по этому поводу украинский публицист Олесь Бузина, – было взятие Петлюрой в декабре 1918 года Киева, который отбили у украинского же гетмана Скоропадского! Получается, это была победа над своими же в карликовой гражданской войне. А все остальные “подвиги” – и предыдущие, и последующие – совершались только при помощи внешних сил. Весной того же 1918-го Грушевский и Петлюра вошли в собственную столицу в обзёе немецкой армии.

Через два года уже один Петлюра без Грушевского появился всё в этот же Киев – благодаря полякам».

Что-то этот подход всё-таки напоминает.

Только немцы и поляки стали сдержанней, скромней (за ними ведь есть кому присмотреть сегодня). А как ведь хотелось бы всерьёз пожить Украиной кое-кому из них.

...Справедливости ради стоит сказать: люди, населявшие Украину, в отличие от финнов или поляков, в большинстве своём тогда никакой независимости не желали, и вообще не очень понимали, от кого они должны быть независимы.

Не понимали до такой степени, что отец-основатель Украинской народной республики Михаил Грушевский после февраля 1917-го написал работу «Хто такі Українці і чого вони хочуть».

Украинцы, прямо говоря, ещё не очень были в курсе, что они отдельный народ, и в связи с этим ничего особенного не хотели. В том числе воевать.

Интересные цифры того года (приводит украинский историк Тарас Гунчак): в Екатеринославле на выборах в городскую думу из 110 мест украинцы получили 11, в Одессе из 120 – 5, в Житомире из 98 – 9, в Херсоне из 101 – 15, в Киеве из 125 – всего 25.

Над созданием единого украинского народа надо было ещё работать и работать.

Сто лет прошло – а работы всё равно осталось очень много.

* * *

Как мы и предсказывали, победа освободительной революции ознаменовалась сносом памятника советскому солдату. Правда, не во Львове, а в городе Стрый.

Сегодня 23 февраля, День защитника Отечества, так что – всех с праздником, спасибо деду за победу, и что там ещё положено оттарабанить.

Предлагаем заранее список ответов на это чудесное событие для российской прогрессивной общественности, им же как-то надо реагировать:

- *Это издержки роста (эйфории, свободы)*
- *Нам самим это не нравится*
- *Что поделать, если для них он (солдат) – оккупант?*
- *Страна имеет право на те памятники, которые нужны ей, а не её соседям*
- *Не разжигайте рознь*

Что характерно: перепост фотографии со сносом памятника из наших демократических друзей не сделал никто. Ни одно российское прогрессивное СМИ на это не откликнулось. Зачем праздник портить. Снесли и снесли.

Может, кто-то хотя бы напишет: «Свобода – сложная вещь. Но по-другому не бывает» – именно такое утверждение от одного моего демократичного товарища читал совсем недавно. Надо это фразу запомнить, у нас тоже будет шанс её произнести в ответ.

...да, придумал ещё один пункт. Для самых разгорячённых радетелей чужой свободы:

– *Мне плевать на этот памятник, я сам их ненавижу, и была бы возможность – сам бы и поносил. Но когда сносят другие – я испытываю тихое и сладостное злорадство.*

Друзья мои, вы только потом не спрашивайте «За что?», когда вам в ответ прилетит булыжник. Мир справедлив, все получают ровно то, что заказали в небесном озоне.

* * *

Ура!

Новости из Киева!

Верховная Рада Украины, в честь победы Майдана, отменила закон, позволяющий широкое использование русского языка.

Прогрессивная общественность, мы счастливы!

Может, вам всем дать подданство Украины, мои милые? Как-то ведь надо вас наградить.

...А как нам кричали наши прогрессивные деятели, что русские на Майдане бок о бок с украинцами, что там всюду русская речь, что это не борьба против России – это против плохой власти. Так что ж там немедленно начали с памятников солдату-освободителю и со статуса русского языка?

...Сколько ко мне украинских женщин приходило со словами: «Ах, мы против русских боремся? пойду на Майдан расскажу – посмеются!» Где они, эти женщины, почему не заходят сегодня?

...Где этот русский парень, который живёт в Киеве, чьё открытое письмо, где он написал: «Мне стыдно, что я русский», – передавали из уст в уста: как он там? Ты, парень, эту фразу напиши себе на груди и ходи теперь с ней, так тебе будет надёжнее.

...И, собственно, остальные русские и не совсем русские, которые там бок о бок сражались за свободу – и здесь, на просторах мировой паутины, – вы как там себя чувствуете? Всё по плану?

* * *

Ни для кого не секрет, что подавляющее число российской либеральной интеллигенции и весомая часть националистов выступила с полной и безоговорочной поддержкой событий на Майдане.

Исключения – редки.

В среде либеральной хоть сколько-нибудь критическое отношение к Майдану вообще просматривается с трудом.

В среде националистической ситуация плюс-минус схожая – достаточно вспомнить, что около двух десятков российских националистических организаций немедленно выступили в поддержку Майдана, а часть активистов направились туда в качестве добровольцев, и уже есть погибшие.

Что до какого-то момента могло быть объяснимым: люди, отдающие себе отчёт в том, что в России построен того же толка коррупционный режим, что и на Украине, склонны были считать собравшийся на Майдане народ – своими соратниками.

Тем более, с Майдана неоднократно приходили известия о том, что на Украине наблюдается удивительное, небывалое единение: на одних баррикадах сражаются украинцы, русские, представители других национальностей, либералы, националисты, «левые».

Однако ситуация последних дней показала, что положение несколько сложнее.

Началось с того, что по всей Украине начали сносить памятники Ленину. Если первый варварский акт на самом Майдане ещё вызвал некоторую оторопь даже в рядах самих участников народного восстания, то потом это как бы стало обыденностью – ну, да, сносят – имеют право.

«Такое ощущение, что Украиной последние двадцать три года правил Ленин», – остроумно заметил по этому поводу кто-то.

Уже в самой нацеленности на памятники Ленину могла читаться антироссийская направленность восстания – в конце концов, на Украине никто не призывает строить социализм, да и в России никаким социализмом не пахнет: у нас заправляют люди глубоко враждебные всему этому.

То есть, первыми, как бы помягче выразиться, обманувшимися на Майдане оказались украинские «левые». Позже они пытались противостоять акциям по сносу памятников Ленину, и некоторые из них в связи с этим пострадали – проще говоря, были избиты. (Естественно, в рядах российской либеральной интеллигенции на это не обратили ровно никакого внимания – ещё чего.)

Далее события стали развиваться с ещё большей скоростью: буквально на следующий день после победы Майдана был снесён памятник солдату-освободителю подо Львовом и отменён закон Украины «О принципах государственной языковой политики», гарантировавший русскому языку региональный статус, а также право на открытие русских классов в школах.

Всем вменяемым людям стало ясно, что обозначен тренд на дерусификацию Украины.

Так обманутыми оказались ещё и русские активисты киевской революции: ну, не за снос же памятников и ущемление русского языка они сражались.

Сторонники Майдана пытаются объяснить снос памятника голодомором – как будто это памятник голодомору, а не миллионам павших солдат, освободивших мир от фашизма.

Что до русского языка, то нас уверяют, что «как говорили на русском – так и будут говорить».

Всё это не выдерживает никакой критики. Естественно, немедленный запрет на русский язык введён не будет – но результаты новой украинской политики дадут о себе знать несколько позже: например, когда там лет через пятнадцать вырастет новое поколение людей, которые не учили русский язык в школе, так как его не преподавали. Кроме того, исчезнет сама возможность вести делопроизводство, участвовать в судебных разбирательствах и так далее, и так далее, и так далее, – на русском языке.

Аргументы радикально настроенных сторонников Майдана понятны: они считают Украину своей страной, и не видят никакой необходимости делиться с русскоязычными гражданами своим, в самом широком смысле, влиянием.

Но это их аргументы!

Оторопь вызывает, что фактически все ведущие игроки российской оппозиции и абсолютно подавляющее число либеральной интеллигенции мало того, что никак не реагируют на сложившуюся ситуацию – но находит её совершенно нормальной. Вы слышите: нормальной.

Но что нормального в том, что человек – вся родня, все предки которого жили на украинской земле, сто, двести, триста, а то и больше лет, – вдруг теряет право учиться и, в самом широком смысле, пользоваться своим языком – во всех случаях, кроме бытовых и семейных.

Русскоязычные люди, живущие на территории Украины, – жили там всегда, работали на эту землю, воевали и погибали за неё – кто вправе им запретить что-то, если они во многих городах составляют большинство населения?

Да, да, да, сто раз «да» – украинская сторона имеет право на свою точку зрения по этому поводу. Но с чего мы должны её разделять? Мы не запрещаем, скажем, татарский язык здесь и не мешаем этому народу ставить свои памятники – отчего бы нам не служить примером в данном вопросе?

И тут мы подходим к очень простому выводу.

И Украина, и другие бывшие республики СССР, и европейские страны, боровшиеся с собственной коммунистической властью или с либерально-буржуазными коррупционными режимами, – имеют интеллигенцию и оппозицию, всегда чётко и неукоснительно ставящую интересы своей страны, своего языка и своего народа превыше всего.

И только в России сложился удивительный, непостижимый класс подавляющей части либеральной интеллигенции и серьёзной части оппозиции, который с параноидальным усердием выступает в качестве прокурора интересов своего народа и адвоката народов других.

Кто эти люди? Откуда их завезли сюда?

Почему тридцать тысяч человек на киевском Майдане российской как бы оппозицией воспринимаются как соратники, а тридцать тысяч человек, вышедших на митинг в Севастополе – как противники? Это не титушки, вы же видите – это люди, просящие о помощи на вашем же языке.

Наши «властители дум» отказывают этим людям в пассионарности, силе воле, красоте, честности – и наделяют этими правами исключительно собравшихся в Киеве.

Это же нечестно. Это, в конце концов, не демократично – вы же демократы?

Это, более того, даже подло.

Российская либеральная интеллигенция могла бы хотя бы высказаться с нотой протеста: мол, украинские братья по оружию, что там такое происходит, давайте не будем перегибать палку...

Но они даже не смолчали – большинство из них выступило «за»! И нашли для этого аргументы!

Давайте, читатель, предположим сегодня, 24 февраля 2014 года, что завтра новая украинская власть решит силовым методом решить ситуацию в Одессе или Керчи. Вопрос на засыпку: на чьей стороне в случае противостояния выступят российские либералы или российские идейные коллеги «Правого сектора»?

Ответ не нужен в силу очевидности – они выступят против «сепаратистов».

Вся эта как бы оппозиция и как бы интеллигенция отстаивает не русский народ и не русский язык – а свои ценности. Для них либеральные ценности (так, как они их понимают) или националистические ценности (как они их с трудом понимают) – важнее ценностей собственно русских. Подобная оппозиция аналогов в мире не имеет.

Действуя в этом направлении, наши герои достигают удивительных глубин и высот демагогии.

Особенно мне понравилось объяснение одного либерального публициста, который попытался объяснить смысл употребление слов «москаль» и «жидовня» в речи известного украинского политика.

«“Москаль” в данном контексте – это русский имперец, который лезет во все щели, куда его не приглашают. А “жидовня” – это тот, кто не гнушается обманом иноверцев и инородцев, презирает их, ставит барыш выше чести», – пояснил либеральный публицист, кстати сказать, при иных обстоятельствах – ну, то есть, в случае незапланированной встречи с бандеровцами – имевший шансы угодить под оба эти определения.

Но он решил, что раз он не занимается обманом инородцев и имперцем не является – значит, это не по его части.

И что нам со всем этим делать? Кого позвать? Доктора?

В России минимальны шансы выбить прочь окол властное стопудовое ворьё, сидящее у нас на шее, вовсе не по той причине, что народ – раб, а по той причине, что вы, господа – пришельцы. Вас сюда с Луны завезли.

Кто бы вас обратно увёз теперь! Мы бы тут всё сделали без вас, а потом обратно пригласили бы. Построили бы вам министерство толерантности и психиатрии, и вы бы им тихо управляли, в накрахмаленных смиренных рубашках.

Ну, что вам стоит?

Часть вторая. Весна в Крыму

* * *

«О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озёрами многими, дивишь ты реками и источниками местнотимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими, – всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!»

Написано во Владимире примерно в 1240 году. «Слово о погибели Русской земли». Государственности лет триста – а какое уже устоявшееся чувство Родины.

На передовицу Александра Проханова похоже немножко, да?

Последнее время, шаг за шагом, пытаются русскую историю подкоротить, лет эдак на пятьсот. Чтоб всё с тем же острым чувством говорить про «молодой народ» и «молодую литературу», и всё такое прочее.

Не верьте, здесь и восемьсот лет назад жили такие же люди, как мы. На фоне просвещённой Европы, со своими повадками, со своим патриотическим угаром и странным чувством к вельможам. И с отличным литературным слогом, вот что ещё надо отметить.

Единственно что: тогда, возможно, ещё не знали, что гибель земли Русской – это её обычное состояние. Она всегда погибает. Надо уже к этому привыкнуть за тысячу лет.

* * *

«Историю России с древнейших времён» С.М. Соловьёва сегодня читают (и переиздают) гораздо реже, чем Карамзина или Иловайского.

Никогда не встречал сравнительного анализа объёмных трудов наших классических историков, хотя тут есть о чём поговорить.

Соловьёв сложнее, чем многие его коллеги, он во всяком событии как бы внутри, и не стремится воспарить и непрестанно сверху всё это озирая: он носится посыльным туда и сюда, подслушивает доклады монархам, собирает всякие вельможные сплетни, пересказывает разговоры при дворе, рисует мелкой кистью, щедро насыпает персонажей – неподготовленный человек сразу пугается сонма фамилий и дат и бросает чтение.

Соловьёва читаю с детства, в этот раз меня заинтересовал, естественно, тот момент, когда Богдан Хмельницкий умирает, а к царю Алексею Михайловичу являются украинские послы и говорят речь.

Далее цитата, крайне характерная (напрягитесь и вчитайтесь, оно того стоит):

«Егда богодарованную пресветлейшего вашего царского величества державу нынешнему времяны НАД МАЛОРОССИЙСКИМ ПЛЕМЕНЕМ НАШИМ утверждённу <...> привожу себе в память реченное царствующим пророком: от Господа бысть се и есть дивно, воистину соединение малые России и прицепления оная к Великодержавному пресветлейшего вашего царского величества скипетру, ЯКО ЕСТЕСТВЕННОЙ ВЕТВИ К ПРИЛИЧНОМУ КОРЕНИ. <...> Егда оскудеваши в помощи Малая Россия, тогда Бог подвиже благочестивое вашего царского величества сердце, что от высокого своего престола призрел если на нас и под высокую свою руку воинство наше запорожское щедротне восприяти благословил».

Но Богдан умер, и началась традиционная украинская история.

Соловьёв пишет: «Присоединение к Москве было делом народного большинства, и большинство это не имело никакой причины раскаяться в своём деле. Другой взгляд был у меньшинства, находящегося наверху: для этого меньшинства и особенно для шляхты соединение с шляхетским государством, с Польшою, имело больше прелести <...> но прямо, немедленно объявить себя против Москвы и соединиться с Польшою было нельзя: Польша была слаба, она ещё не оправилась от ударов, нанесённых ей Москвою и Швециею, при том войско и народ были против подданства Польше; надо было хитрить и опереться на какой-нибудь другой союз, действенное польского, и Выговский (наследник Хмельницкого) обратился к хану Крымскому».

Про Крымского хана тоже есть очень смешной момент. Дело в том, что Алексей Михайлович подписывал свои послания скромно, в обычной нашей скромной традиции: «восточной и западной и северной страны отчичь и дедичь, наследник и обладатель».

Крымский хан писал в ответ: как восток?! как запад?! – у нас что, повсюду одна Россия? – и, далее, цитирую: «Между востоком и западом мало ли великих государств? Так лживо и непристойно писать непригоже».

Обижался, смотри-ка ты. (У него, между прочим, были причины: он лет семь владел Малороссией и тоже как бы претендовал.)

Пригоже, хан. Только так и пригоже.

...Всё это к вопросу по поводу того, что «времена изменились, времена изменились, мы живём в другом мире!» (эти фразы надо произносить высоким, скрипучим голосом, на манер попугая).

Времена – не изменились. Ну, не считая того, что группа поддержки шляхты теперь сидит в лучших московских кафе, и отдельные ребята из числа крымских татар сидят с ними же.

Слова, которые они произносят, между тем, те же самые: см. приведённое выше письмо хана к российскому гаранту, наследнику и обладателю восточной, западной и северной стороны – «Лживо, непристойно! Непристойно, лживо!»

* * *

За последнее время уже несколько раз попадалось в среде прогрессивных деятелей хамское отношение к стихотворению Пушкина «Клеветникам России». Один известный прогрессивный товарищ так и написал по этому поводу: «Позорные стихи».

Напомним, что стихотворение посвящено польскому восстанию 1830 года. Польша тогда входила в состав России (а вошла она туда вместе с Варшавой по той причине, что поляки, как показалось российскому самодержавию, слишком действенно участвовали в походе Наполеона на Россию, за что и поплатились).

Мы к чему. Дело в том, что помимо Пушкина тогда сугубо отрицательно на польское восстание отреагировали также Лермонтов («Опять народные витии»), Боратынский, Чаадаев, Киреевский, Гоголь и даже – декабристы. Михаил Лунин, например, писал: «В варшавском восстании нельзя найти ни признаков, ни свидетельств народного движения. Оно не выдвинуло ни одной органической идеи, никакого общественного интереса...»

То есть, грубо говоря, Лунин писал, что это была революция шляхты, или, как сегодня бы сказали: олигархата, финансовой аристократии.

Идеи, кстати, во время восстания поляки всё-таки выдвигали: например, вернуть Польше Киев.

...В этой старой истории прекрасно всё.

Для начала: поддержка позиции государства декабристами. Тут ассоциация лежит на поверхности: нацболы, у которых более двухсот человек отсидело в тюрьмах и как минимум

шесть человек были убиты, – даже по количеству жертв сопоставимы с декабристами. Прогрессивная публика никак не может понять, как же нацболы могут нынче, в связи с украинскими событиями, поддерживать государство. Двести лет прошло, а публика всё не может.

Потом, каков список тех, кто разделял «позорную» пушкинскую позицию! О, это позорные деятели. Улицкая, Рубинштейн и Юрий Шевчук повели бы себя иначе, не столь позорно. Мелковаты тогда были культурные деятели.

Наконец, я недавно читал интервью украинского русскоязычного писателя, моего когда-то приятеля – Андрея Куркова, про то, как ему стыдно за Россию (на место Куркова можно поставить, к примеру, писателя Жадана или писателя Нестеренко). И тут же волей-неволей вспомнил, как Пушкин, уже в 1834 году, писал про своего друга польского поэта Адама Мицкевича: «Наш мирный гость нам стал врагом – и ядом / Стихи свои, в угоду черни буйной, / Он наполняет. Издали до нас / Доходит голос злобного поэта, / Знакомый голос!.. Боже! Освяти / В нём сердце правдою твоей и миром».

У Пушкина вообще много «позорных стихов». Россия, между прочим, оккупировала Польшу – а этот стихослагатель ещё учит своего польского товарища «миру» и «правде», видано ли.

Что в наше время сказали бы Пушкину? Что он одурачен пропагандой. Что «поверьте, всё намного сложнее». Что «из России ему не видно ситуации».

Вам всё видно зато.

* * *

Но, конечно же, далеко не все разделяли позицию Пушкина.

Отдельные представители просвещённой среды того времени элементарно перестали здороваться – например, внука фельдмаршала Кутузова Долли Фикельмон.

То есть Пушкин, Боратынский, Лермонтов, декабристы – будучи согласными с действиями государства – в глазах «света» сразу низко падали.

Поэт Вяземский, между прочим, друг Пушкина, был просто взбешён из-за этих стихов, братья Тургеневы осуждали «варварство» поэта; да многие, многие.

Публицист Николай Мельгунов написал о Пушкине, что «...так огадился как человек, что я потерял к нему уважение даже как к поэту, ибо одно с другим неразлучно».

Ты угадал себя, своё брезгливое выражение лица, мой милейший современник? Ну же, смотри, неужели не угадал?

Долли, душенька, ты совсем не изменилась. И вы, старик Мельгунов, ещё полны сил. Ах, господа. Ах.

* * *

И, конечно же, нельзя не вспомнить ещё одного ватника, Дениса Давыдова, в своей гусарской форме – он был вылитый колорад. У него имеется стихотворение «Современная песня», написанное в далёком 1836 году. Но действительно – современное до смешного.

«Был век бурный, дивный век, / Громкий, величавый; / Был огромный человек, / Рас-точитель славы: / То был век богатырей! / Но смешались шашки, / И полезли из щелей / Мошки да букашки».

Каково, товарищи?

«Всякий маменькин сынок, / Всякий обирала, / Модных бредней дурачок, / Корчит либерала».

С чего бы ему так корчиться? Давыдов тоже не понимает.

«Что ж? – Быть может, наш герой / Утомил свой гений / И заботой боевой, / И огнем сражений?.. / Нет, он в битвах не бывал – / Шаркал по гостинным / И по плацу выступал / Шагом журавлиным. / Что ж? – Быть может, он богат / Счастьем семьянина, / Заменя блистательные латы / Тогой гражданина?.. / Нет; нахально подбоchась, / Он по дачам рыщет / И в театрах, развальясь, / Всё шипит да свищет».

И спустя несколько строф идёт блистательное описание прогрессивного сообщества:

«Вот гостиная в лучах: / Свечи да кенкеты, / На столе и на софах / Кипами газеты; / И превыспренний конгресс / Двух графинь оглохших / И двух жалких баронесс, / Чопорных и тощих; / Всё исчадие греха, / Страстное новинкой; / Заговорщица-блоха / С мухой-якобинкой; / И козьявка-егоза – / Девка пожилая, / И рябая стрекоза – / Сплетня записная; / И в очках сухой паук – / Длинный лазарони, / И в очках плюгавый жук, / Разноситель вони; / И комар, студент хромым, / В кучерской причёске, / И сверчок, крикун ночной, / Друг Крылова Моськи; / И мурашка-филантроп, / И червяк голодный, / И Филипп Филиппыч – клоп, / Муж... женоподобный. / Все вокруг стола – и скок / В кипеть совещанья / Утопист, идеолог, / Президент собрания, / Старых барынь духовник, / Маленький аббатик, / Что в гостиных битый привык / В маленький набатик».

...Ну что, всех узнали? Характерно, что стихи Корнея Чуковского «Вот откуда-то летит маленький комарик, и в руке его горит маленький фонарик» – явно выросли отсюда, из этой очаровательной оды. У Давыдова и «скок вокруг стола» имеется, и комарик тоже – Корней Иванович был очень начитанный человек.

Стихи Давыдова двухсотлетней давности вполне можно издавать с иллюстрациями, а то мы не найдём среди нас идеологов, женоподобных мужей, пожилых рьяных девок и прочих.

Русская классика – опасная штука. Табличку «Не влезай – убьёт» можно вешать.

* * *

В европейской экранизации «Войны и мира» Элен Курагину заразит сифилисом француз. Интересный подход. В книге этого нет. Черты её отца в качестве законченной, как говорит один мой товарищ, «либеральной гниды» тоже очень акцентированы в фильме, который, между прочим, делали немцы, поляки, итальянцы и... собственно французы.

Поведение некоторой части нынешней прогрессивной общественности – при определённых обстоятельствах – действительно напоминает поведение отца и дочери Курагиных из «Войны и мира». Мы имеем в виду не только экранизацию, странно акцентировавшую этот момент, но и первоисточник, естественно. Лев Николаевич, равно как и Тютчев, нравы отдельных представителей света знал отлично.

(Помните такую фразу из Толстого: «Если б правительство было умным и нравственным, если б оно было хоть немного русским!»)

(Потом всю эту аристократию, немалая часть которой давно выродилась и была, по сути, антирусской, – всем скопом отнесли к числу лучших людей России и, естественно, поименовали невинными жертвами большевизма. Что не совсем правда, мягко говоря.)

Схожие с курагинскими настроения были широко распространены и в начале Великой Отечественной: там своих курагиных развелось; они всегда разводятся, при любом режиме. Ждали немца, скрестив пальцы в кармане.

И сталинизм, как мы понимаем, тут был совершенно ни при чём: традиция.

В самом ужасном сне нынешнего гаранта с кремлёвским горцем не сравнить – но разве стало меньше курагиных?

Обидно только, что прогрессивную общественность уже не напугаешь тем, что явится француз и заразит её сифилисом, как княжну Курагину в кино.

В известном смысле, француз её давно уже заразил. Ей это в радость.

* * *

Любопытно: в 1822 году, то есть фактически двести лет назад, один американский деятель – Томас Джефферсон – писал другому – Джону Адамсу (оба, на минутку, побывали президентами США): «Создаётся впечатление, что европейские варвары вновь собираются истреблять друг друга. Кто бы кого ни уничтожил, одним разрушителем в мире станет меньше. Истребление безумцев в одной части света способствует благосостоянию в других его частях. Пусть это будет нашей заботой и давайте доить корову, пока русские держат её за рога, а турки за хвост».

Учитесь настоящей, национальной политике, господа. Американцы знают в этом толк уже двести лет. Доят корову. Надо уметь бить их по рукам. Пусть себя доят.

Кстати, в 1838 году гениально прозорливый Тютчев (тот самый, великий русский поэт и на тот момент дипломат) пишет из Турина взволнованное донесение в Россию, что цель, которую будут преследовать американцы, «заключается в том, чтобы утвердиться в Средиземном море», стремясь «к окончательному водворению там». И с этим, естественно, надо бороться, понимает Тютчев.

Это я выписал в связи с тем, что тут один молодой литератор пытался мне через столичную газету объяснить: не стоит вспоминать имена Пушкина, Тютчева и Достоевского и пытаться угадать, как бы они реагировали на нынешние события.

Нет, ребята. Стоит вспоминать имена Пушкина, Тютчева и Достоевского, потому что если у вас временно помутился разум – можно взять ума займы у классиков. У классиков ума много.

Пушкин в те же времена писал, что отношение Европы к России характеризуется двумя вещами: «невежеством и неблагодарностью».

Мир традиционно стоит в той же точке, что и стоял. Это нормально. Этика, эстетика, политика – вещи куда более устойчивые, чем нам кажется.

Но справедливости ради заметим, что это США двести лет подряд зачем-то хотят в Средиземное море, а мы к ним в подбрюшье куда реже заплываем.

Те, кто в России говорит «мир изменился», – люди вздорные. Не слушайте их, они плохому научат. Тютчеву они бы не понравились, точно говорю.

...Да, у этой истории есть продолжение.

Тютчева вскоре уволили из дипломатической службы (как и Горчакова – впоследствии одного из сильнейших российских дипломатов).

За увольнением Тютчева и Горчакова стоял министр иностранных дел Нессельроде – который, как известно, был в очень серьёзной степени ангажирован Австрией.

Много позже Нессельроде самого наконец уволили, и на его место как раз поставили Горчакова. Когда же у государя поинтересовались, чем обусловлен его выбор, он раздражённо ответил: «Потому что Горчаков – русский!»

Выводы? Мало того, что времена не изменились, – игроки те же самые.

* * *

Сегодня 16 марта 2014 года, и я имею досужий вопрос.

Правильно ли я понимаю, что реакция российской прогрессивной общественности, в случае ввода украинских войск в Донецк (это же их земля) и силовом подавлении восстания, будет заключаться в четырёх словах: «Это внутреннее дело Украины».

То есть, сначала «никогда не надо стрелять в свой народ, “Беркут”!» – а потом (молчаливое): «Иногда всё-таки можно».

Когда б Янукович, терявший власть, подогнал танки к Киеву – это был бы «фашизм, фашизм, фашизм», а тут будет что-то совсем другое, совсем.

Ещё раз повторимся: позиция украинской стороны прозрачна и ясна – они ЗА своё государство, и если нужно – всякий гуманизм отринут на раз.

Но как же наши гуманисты? Споют ли нам песню наши музыканты? Сочинят ли нам стихи наши поэты? Вот неужели ж никто и ничего не скажет?

* * *

Почему одни и те же люди не хотят возвращения Крыма в Россию даже с референдумом, а Курилы предлагают отдать Японии совсем без одного? Про Чечню вообще молчу. В 1996 году Борис Немцов, на тот момент губернатор Нижегородской области и вероятный преемник Ельцина, собрал пятьсот тысяч подписей за независимость Чечни. Сегодня с удовольствием собрал бы, если б мог, столько же за независимость Крыма. Общее в данном случае одно: и та, и другая территория должна быть независима от России. И Курилы, Курилы.

Как же их не любить, скажите мне.

* * *

Традиционная ситуация: стоит сплошной крик прогрессистов о том, что в Пскове запретили концерт белорусской группы «Ляпис Трубецкой», и одновременно поступают предложения от тех же самых людей запретить въезд на Запад и не допускать к украинскому зрителю Фёдора Бондарчука, Павла Лунгина, Олега Табакова, Владимира Бортко и Геннадия Хазанова – в общем, всех, кто поддержал право Крыма на независимость от Украины. (Ещё Леонид Ярмольник вполне прозрачно высказался по поводу Крыма – не забудьте Ярмольника.) Такая у нас демократия.

Отдельная «моя прелесть» – прямой и публичный призыв к украинскому народу бывшего министра правительства Ельцина – Альфреда Коха – начать партизанскую войну против российских оккупантов в Крыму. Убивайте русских – и Европа придёт на помощь: так и написано у него.

Можно понять, когда это пишут украинцы (развод – так развод, чего миндальничать, у меня вообще нет к ним претензий, глупо было бы, и на взаимность не надеюсь) – но это пишет парень, который работал в правительстве и живёт в деревеньке под Москвой.

Вывод российской прогрессивной общественности прост: наши творческие деятели – подонки, а Коха – они лайкают изо всех сил во все щёки.

Красота! Всё давно уже понял, но удивляться не перестаю. Какой удивительно ровный и честный мир в голове у людей.

* * *

Итак, Крым выбирает, с кем жить.

Данные экзит-пулла – 93 % за жизнь с Россией. Даже крымские татары подвели, похоже, некоторых надеявшихся. Крымские татары – прекрасный народ.

Естественно, ждём песню на тему «массовых фальсификаций», как без неё.

Если всерьёз: никаких массовых фальсификаций за полторы недели не придумаешь. Тем более, что не было такой необходимости.

Мой на фиг не нужный никому совет украинцам: возлюбить, пока не поздно, Юго-Восток Украины всей душой, дать права на широкую автономию, немедленно принять русский-второй-государственный, умерить антироссийскую риторику, прикрыть всевозможный «Правый сектор» большим чугуном, смирить, насколько возможно, свою непрекращаемую правоту и понять, что всё случившееся и происходящее – не случайно.

Тогда будет шанс на мир и взаимопонимание, которое так нужно вашей стране.

И не надо тут рассказывать про «титушек» и «донецкое быдло». Поберегите свою страну. Вас же слышат там. Ежедневно и уже которую неделю ваши бешеные голоса слышны всем.

* * *

Тут уже побежала весёлая шутка «Почему 93 %, а не 150 %», и прочее зубоскальство на эту тему. Лучше идите и посмотрите на свой Юго-Восток, это отрезвляет. Там какие-то неправильные украинские люди начинают партизанскую войну против украинской армии. Их наверняка 0,00001 % от всех правильных украинских людей. Как и в Крыму. Но они очень активны, и милиция переходит на их сторону.

Хоть бы один украинец вместо толпы зубоскалов зашёл и сказал: «Вы, москали, мудаки, конечно, но мы реально что-то не досмотрели в хозяйстве».

Щас, зайдёт. У всех час веселья. Прогрессивная общественность, вы тоже к столу поскорее. Вместе веселей. Итак, напоминаю шутку: «А почему 93 %, а не 175 %??? У-ха-ха, о-ха-ха».

Лечебный смех.

* * *

Как и предполагалось, по поводу крымского референдума в российском прогрессивном сообществе царит печаль, объявлен траур и день позора («запомните это число – это начало конца»). Надежда только на завтрашнее выступление Обамы («Обама, приди и накажи их!»).

И на то, что всё здесь вдруг рухнет («ну, пожалуйста, пусть рухнет»).

Всё это в который раз напоминает те самые сцены в «12 стульях» (и не только), когда собирается публика «из бывших» и питает друг друга слухами о назревающем перевороте в Москве и интервенции (даже в «Поднятой целине» это есть).

Борис Немцов немного похож на Остапа. Валерия Новодворская похожа на маму Остапа. Она вообще оказалась плодovита, у неё тысячи злых детей, к сожалению, лишённых очарования и остроумия товарища Бендера, зато политизированных.

Русская классика, как ты надёжна.

* * *

Эту статью¹ я написал полгода назад, сейчас она к месту. Вот фрагмент:

«Либералы так уютно себя чувствуют во главе русской культуры, что в этом есть нечто завораживающее. Собрали в кучу чужие буквы, построили свою азбуку, свою мораль, своё бытие. Теперь люди смотрят на знакомые буквы, читают, вникают – всё вроде то же самое, что у Пушкина, а смысл противоположный. Как же так? Попробуйте набрать из этого сло-

¹ «Почему я не либерал» («Летучие бурлаки», Москва: АСТ, 2014).

варя “Клеветникам России”, получится абракадабра. “Каклемтивен Сироси”. Лекарство, что ли, такое?»

Почему я вспомнил про этот текст? А только что прочёл ремейк моего ровесника, замечательного молодого поэта Игоря Белова на антиукраинскую оду Бродского. Смысл ремейка – полностью противоположный тому, что имелся у Бродского.

У Бродского было: «Нечего портить кровь, рвать на груди одежду. / Кончилась, зная, любовь, колы и была промежду. / Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом? / Вас родила земля, грунт, чернозём с подзолом. / Полно качать права, шить нам одно, другое. / Это земля не даёт вам, кавунам, покоя. / <...> / С Богом, орлы, казаки, гетманы, вертухай! / Только когда придет и вам помирать, бугаи, / будете вы хрипеть, царапая край матраса, / строчки из Александра, а не брехню Тараса».

Теперь люди, клянущиеся именем Бродского, отвечают за Тараса, такой коленкор вышел.

На днях я читал того же типа стихотворение одного хорошего русского писателя, только уже на тютчевскую мелодию. Мелодия та же, смысл – вывернут наизнанку. «Россия, стыдно за тебя» – что-то такое, но другими словами.

На огромное число текстов классической русской литературы надо срочно писать ремейки, потому что в новом, прекрасном мире она выглядит ужасно со всем своим «милитаризмом», «мракобесием» и «шовинизмом».

Происходящее ныне в литературе – афера ничуть не хуже приватизации. Клясться именами Пушкина и Достоевского (и далее по списку) – и на том же языке, в той же интонации и с заёмной у старших страстью – произносить ровно противоположное – каково это?

Вы думаете, тогда жандармы были добрее, казармы пахли цветами, и розгами не секли? В деревнях под Рязанью ели мёд, а под Псковом закусывали мёд окороками? Да нет, не было этого ничего – была та же самая Россия, которую «боялся» и «презирал» «весь цивилизованный мир». Но эти грёбаные классики в дни роковые последовательно принимали сторону своей дикой державы.

Теперь мир знает о нас то, какими мы описаны в их книгах.

Если Россия достигнет того идеала, что видится ныне Войновичу и Виктору Ерофееву, никакой России не будет. В таком ущербном виде она никому не нужна. Самое смешное, что все эти стихи и все их «Чонкины» провалятся в тартарары. Останутся сочинения про капитанскую дочку, про арапа Петра Великого, про Тараса Бульбу, про Севастополь. Останутся Карамазовы и брат их Смердяков, Тихий Дон, Белая гвардия, дневники одного писателя, дневники другого писателя – это останется.

Люди прочтут и скажут: вот были люди, вот были времена – Илиада, Одиссея, титаны, полубоги...

«А что там было потом?» Что-то – «нормальная европейская страна». Обьедки.

Принимайте «Камклективин сироси», по капле в день.

* * *

Как мы уже заметили, русская классика и современные наследники классиков идентичные события воспринимают зачастую строго противоположным образом.

Прогрессивная общественность предлагает как минимум два варианта объяснений этого странного обстоятельства. Оба варианта уже навязли в зубах, но, так как их произносят из раза в раз, придётся и нам сказать пару слов.

Первый вариант: «С чего вы взяли, если Пушкин обещал удавить царя кишкой попа, Лермонтов писал про “немытую Россию”, и Лев Николаевич Толстой тоже перманентно “не мог молчать”».

Тут всё понятно и как раз показательно. Испытывая самые тяжёлые чувства по поводу российской государственности, русские классики в сложные времена (вернее сказать, во дни демонстрации Россией своих «имперских комплексов» и прочего милитаризма) не размышляли ни минуты на тему, что вот сейчас наш несчастный народ (и я, русский классик, лично) пойдёт сражаться против «европейских ценностей» и за «государевы причуды».

Посему самый большой пацифист (с определённого времени) русской литературы Лев Толстой плакал, когда проиграли Порт-Артур. Он хотел бы, чтоб выиграли.

Понятия «честь» и «Отечество» для Лермонтова или Гумилёва (если угодно – Державина или Тютчева; а перечитайте публицистику Жуковского – и она актуальна до невозможности) были неразделимы – об этом дурной тон говорить, пафос, то-сё, но вообще от «всеядящего глаза» эти ребята прятались «за стеной Кавказа» (ну или в других подобных местах, где русские стреляли в других хороших людей), а не на марше мира.

Второй вариант ответа. «С тех пор прошло много времени, и сейчас бы классики повели себя иначе».

Это, знаете, как если бы в XIX веке Пушкин сказал бы: со времён Ломоносова прошло много времени, все эти его героические оды на захват чужих территорий – ни в какие ворота, мир изменился.

А потом Достоевский сказал бы так про Пушкина: мол, этот курчавый парень жил полвека назад, нынче настало время гуманизма и просвещения, а наш арап и за границей-то не бывал, что он понимал вообще – увидел бы, как люди живут, не стал бы нести свою имперскую ахинею. А потом Булгаков и Шолохов про Достоевского сказали бы то же самое. А потом Валентин Распутин – про Булгакова и Шолохова.

Хотя были и те, которые что-то подобное говорили время от времени.

Я хочу сказать, что когда Виктор Ерофеев нещадно критиковал разночинцев, забравшихся в литературу и начавших учить «аристократию» – он просто не признал своих родителей. Впрочем, разночинцы были люди неистовые, яростные, некоторые в тюрьмах сидели...

Не факт, что даже они признали бы таких наследников.

* * *

В одной либеральной газете сначала прочёл про припадок шовинизма и милитаризма, охвативший Россию, а следом, через страницу, про то, что серьёзное количество американцев считает Россию «угрозой».

Вот я правда не понимаю: страна с другой стороны глобуса, российских военных баз возле неё нет, да и вообще их очень мало – в то время как США имеют 800 баз в 128 странах мира, в том числе в бывших республиках СССР, на границе с Россией, а одну перевалочную базу даже в самой России. Теперь они собираются ускоренно принимать в НАТО Грузию, Украину и Молдавию (не из-за Крыма, не надо – НАТО давно уже возле нас окопалось, мы все в курсе) – и при этом чувствуют «угрозу».

Но припадок «милитаризма» и вообще «паранойя» в России, а американцы просто так «чувствуют».

И никакого противоречия.

* * *

Историк и политолог Андрей Зубов предсказал немедленное начало третьей мировой войны из-за аннексии Крыма.

Вы заметили, что политическая аналитика либеральной общественности – это, как правило, и не аналитика вовсе, а набор писем Дедушке Морозу: во-первых, дедушка, я хочу,

чтоб за ради моей правоты началась война, во-вторых, пусть рухнет экономика и как можно скорей, в-третьих, пусть Крым останется без воды и поплачет о своей глупости, а в-четвёртых, пусть резко обнищавший рабский народ приползёт к нам на коленях, вопя о нашей правоте. Дедушка, алё, записал?

* * *

Андрея Зубова, говорят, уволили с места работы. «За взгляды». Это обсуждается на каждом углу, в привычном контексте: проклятая деспотия запрещает думать.

Однако я помню, когда именно что за «взгляды» травили (и так же изгнали с должности) Игоря Фроянова.

Вклад в науку Фроянова и Зубова – вообще несопоставим: первый – крупный историк и мыслитель, второй – увы, нет.

Тем не менее, никому среди демократической общественности не пришло в голову вступаться за Фроянова – напротив, демократическая общественность в те дни на должном уровне поддерживала всяческую травлю и даже, не поверите, писала коллективные письма (но, естественно, «по зову сердца»).

Эти люди, в той ситуации, когда события отражаются зеркально, – себя не узнают никогда и ни при каких условиях.

Что до Зубова, то даже в дни его «изгнания» я вынужден сказать следующее: он имеет право высказывать любые взгляды, писать свои книжки и статьи, как писал до этого. Но преподавать историческую науку «подрастающему поколению» таким персонажам категорически не рекомендуется. Я посмотрел бы, как на Украине потерпели бы историка в государственном вузе, который стал бы рассказывать, что, к примеру, никакой Украины не было, и украинского языка тоже не существует, потому что синтаксис этого языка идентичен русскому. Вылетел бы в два счёта такой историк, и никто здесь даже голос не подал бы в защиту.

Хотя отчего я в сослагательном наклонении: наверняка такие случаи имели место, но это ж «их внутреннее дело» и «они сами разберутся». Ну, вот и здесь «сами разбираются». Как вы любите.

* * *

Если прогрессивная общественность реально за мир (мы не верим, но предположим) – она должна сейчас, сегодня, немедленно всесторонне высказаться за необходимость срочного присутствия ОБСЕ на Юго-Востоке Украины. Весёлые начальники новой Украины уже пообещали вчера давить и душить всех сепаратистов – ну, фактически они объявили гражданскую войну серьёзной части своей страны («сами разберутся», как Юрий Юлианыч Шевчук увещевал меня в самом начале этой истории – вот сейчас и начнут разбираться).

Чтобы не было войны, а одна сплошная демократия, как вы любите: пусть приходят наблюдатели, и Юго-Восток выбирает себе будущее.

Впрочем, я думаю, что прогрессивная общественность придумала себе другое, никогда не утомляющее занятие на ближайшее время – повторять: скоро-скоро-скоро всё рухнет, скоро вы все пожалеете, ох, скоро.

Ну, тоже дело, конечно.

* * *

По поводу Крымской войны. Той, середины XIX века, где Лев Толстой сражался (после того, как повоевал в Чечне).

С чего началось.

Россия тогда ввела войска в Молдавию и Валахию, принадлежавшие Турции (которая в своё время, соответственно, захватила то, что ей не принадлежало.)

Но, почувствовав, что «просвещённая Европа» осуждает «российскую военщину» (началась массированная кампания в европейских СМИ, всё «цивилизованное человечество» потребовало осудить агрессора), Николай I, представьте, вывел войска.

«На фиг, на фиг, – решил Николай I. – Может, правда, что-то не то сделали».

Хотя отлично знал, что сделал всё верно, пытаясь остановить британское продвижение на Восток.

(Кстати, ровно половину населения Турции составляли на тот момент славянские народы, которые, мягко говоря, находили такое положение вещей несколько неприятным.)

Вывел войска и думает царь-батюшка: ну, обошлось.

Между тем, против России уже изготовились воевать Англия, Франция и Италия. (Все эти просвещённые страны очень болезненно переживали проблемы столь милого, любезного и даже родного им турецкого народа.)

И что вы думаете, просвещённая Европа передумала воевать? Как бы не так.

Французский император Наполеон III сказал тогда: «Мне всё равно, желает ли Россия очистить княжества или нет, но я хочу ослабить её и не заключаю мира, пока не достигну своей цели».

Ни дать ни взять – Барак Обама. Спичрайтер у них точно общий.

Кстати, выражение «колосс на глиняных ногах» по отношению к России придумали именно тогда. Кто? Немецкие либералы.

...Да, надо напомнить, что к Англии, Франции и Италии присоединились, конечно же, Австрия и Пруссия.

Знаете, что тогда Тютчев написал? О, это очень актуально для России последних десятилетий: «Нашу слабость в этом положении составляет непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного противника, но старалась только служить ему подкладкой».

И ещё, по тому же поводу, в письме Тютчев писал: «Только глупцы и изменники этого не предвидели».

* * *

Любопытно: во время Крымской войны XIX века, в 1854–1855 гг., помимо «демократов» того времени, болезненно воспринимавших удачи России и с некоторой радостью – неудачи, имелись ещё и славянофилы. В целом славянофилы были несравненно умнее и глубже большинства современных националистов, но...

Но вот удивительный факт: часть славянофилов всерьёз считала, что России поражение будет полезнее, чем победа, потому что Россия не в полной мере отвечала идеалам славянофилов.

И вообще им нестерпимо хотелось издавать собственный журнал.

Им позволили издавать свой журнал – и это совсем скрасило потерю Севастополя. Зачем Севастополь, когда можно нести идеалы в народ. Правильные, славянофильские идеалы!

Вменяемых людей всегда было крайне мало. Со славянофилами как раз очень ругался Тютчев, который многие годы прожил за границей и отлично знал Европу и все её «европейские ценности».

Тютчев был такой, знаете, типа Лимонова. Седой, вспыльчивый, саркастичный. Тонкие губы. Жёны, любовницы. Очень страстный. Читал газеты (т. е. жил насущной политикой и мог, как заметил Вадим Кожин, увидеть в этой политике движение и пульс истории). Имел общение и с националистами, и с либералами. Издевался и над либералами, и над националистами. Интересы Отечества ставил превыше всего.

Тютчев, конечно же, был аристократ, всё ясно. А Лимонов – он вроде как подросток Савенко из Харькова. Но Тютчеву тоже политикой не давали заниматься – держали на расстоянии: мол, вы слишком горячи, Фёдор.

На самом деле они оба, конечно же, аристократы.

* * *

Александр Герцен, один из столпов русской демократической мысли, писал в 1851 году:

«Вся Европа на все лады, в парламентах и в клубах, на улицах и в газетах, повторяла вопль берлинского *“Krakehler”*: *“Русские идут, русские идут!”* И, в самом деле, они не только идут, но пришли... Никто не знает как следует, что же собой представляют *эти русские, эти варвары, эти казаки...*»

«Цезарь знал галлов лучше, чем современная Европа знает Россию... Это высокомерное невежество Европе более не к лицу».

И далее, великолепно:

«...каждый раз, когда она станет упрекать русских *за то, что они рабы*, – русские будут вправе спросить: *“А вы, разве вы свободны?”*».

«Скажу ещё раз: если ужасно жить в России, то столь же ужасно жить и в Европе... Привилегия быть выслушанным и открыто сражаться уменьшается с каждым днём; Европа с каждым днём становится всё более похожей на Петербург; есть даже страны, более похожие на Петербург, чем сама Россия».

«Я чувю сердцем и умом, – писал Герцен позже, в 1857 году, – что история толкается именно в наши (русские) ворота».

И ещё: «Народ русский, – говорил Герцен, – для нас больше, чем родина».

У Александра Герцена можно найти и другие цитаты, про реакционную Россию, живодёра Суворова; и разделанную на части Польшу ему было жалко... но вообще он являл собой тип глубоко русского человека, яркого, вдохновенного – и уж точно то, что он был в силах произнести про Европу и Россию полтора века назад, – сегодняшние демократы не скажут вслух никогда. Язык отсохнет.

* * *

Был такой мыслитель, Николай Яковлевич Данилевский, написавший великий труд «Россия и Европа» и оказавший серьёзное влияние на Шпенглера и Тойнби. Между прочим, он долгие годы жил в Крыму (купил там себе имение на Южном берегу), к нему приезжали в гости славянофилы Аксаков и Страхов, и Лев Николаевич Толстой тоже.

Начинается «Россия и Европа» со следующего размышления. Как же так получается, – вроде бы удивлённо, но на самом деле не удивлённо вопрошает Данилевский, – вот Пруссия и Австрия не так давно взяли и напали на Данию, самое либеральное государство Европы, – и никакая европейская демократия за эту Данию не вступилась, никто не посчитал это проблемой, достойной военного участия. Напали и напали. Но едва Россия начала войну с Турцией, как тут же Англия и Франция возмутились ужасными действиями варварской империи и бросились на защиту турков.

«Откуда же это равнодушие к гуманной Дании... и это совершенное неуважение к самым законным требованиям России?» – восклицает Данилевский.

От верблюда, откуда.

Данилевский, впрочем, сам знает, откуда именно. Прошло с тех пор более полутора веков.

* * *

Данилевский, кстати, с некоторой иронией употребляет словосочетание «наш просвещённый XIX век».

Вы заметили, что людям, забравшимся, к примеру, в 2014 год, кажется, что они находятся на такой вершине цивилизации, до которой в XVII и даже XX веке ещё было брести и брести, не говоря про какую-то там античность.

На самом деле человек, который, весь надувшись, говорит: «...в XXI веке живём, батенька, пора поумнеть», – через смешные полвека будет смотреться таким же чудачком, какими нам кажутся иной раз люди со страниц осыпающейся в руках прессы конца, скажем, XIX века с их «прогрессом», конками, трамваями со звоночками и «наивысшей стадией развития человечества».

В каком-нибудь XXIII веке Китай выльется за край, или кто-нибудь завоюет, например, половину Европы, или Латинская Америка передерётся с США, – и все эти бложики с прогрессистами, если попадутся кому-нибудь на глаза, будут читаться в качестве анекдотов. Впрочем, даже так не будут.

Мне написали раз сто сорок за последний месяц о том, что раньше империи были «прогресс», а теперь империи – регресс.

Знаете, вот люди выстроят себе какой-то сахарный домик, стены из сладкой ваты, леденец вместо лампочки приклеят, наберутся каких-то понятий – и верят в них. Мир за окном вообще не сахарный, не леденцовый, там, как обычно, рулят империи, американские, китайские, мир стремится к объединению, какая-нибудь Румыния элементарно не способна назначить сама цены на хлеб в собственной стране, суверенные страны сонмом мечтают, чтоб их спасало НАТО – чужие имперские войска! – и при этом – при этом!!! – эти же люди как заговорённые говорят про то, что империи – это не модно, и в XXI веке «так не носят».

Одно из безусловных достижений XXI века: понятия и представления стали сильнее действительности. В некоторых головах, по крайней мере.

* * *

У философа Константина Леонтьева в работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» есть забавный момент, когда он пишет, чем вдохновлялись прежние творцы: «Один изображал чудесный переход евреев через Красное море; другой – борьбу гуннов с римлянами; третий – сцены из войн консульства и империи; четвёртый – сцены из ветхозаветной и евангельской истории...»

Современному, «прогрессивному» творцу куда сложнее, издевается Леонтьев:

«Если то, что в XIX веке принадлежит ему исключительно или преимущественно: машины, учителя, профессора и адвокаты, химические лаборатории, буржуазная роскошь и буржуазный разврат, буржуазная умеренность и буржуазная нравственность, полька *tremblante*, сюртук, цилиндр и панталоны, – так мало вдохновительны для художников, то чего же должно ожидать от искусства тогда, когда... не будут существовать ни цари, ни священники, ни полководцы, ни великие государственные люди... Тогда, конечно, не будет и художников. О чем им петь тогда? и с чего писать картины?»

Леонтьев давно жил, он не знал, с чего же они будут писать свои картины. Объясняю, с чего.

Картины можно писать с собственного пупка. Или, скажем, занозить палец и описать занозу, как центральную мировую катастрофу. Сюртук и панталоны тоже можно описать, особенно панталоны.

Или брезгливо смотреть вокруг и непрестанно, как из шланга, иронизировать. И тогда можно вообще о чём угодно сочинять.

Ещё можно быть концептуалистом.

Но самое главное занятие для прогрессивного художника местного разлива – не любить российский империализм. Вечная тема! Вокруг неё можно питаться столетиями.

Потому что, пока жива Россия, всегда будут полководцы, цари и священники – и это непрестанная причина для творческих выплесков европеизированных буржуа.

То есть, эти буржуа так и живут в великой традиции, только вывернутой наизнанку. Илиада и Одиссея продолжаются, а они всё время презирают, плюются, хихикают и говорят: как не стыдно заниматься такой ерундой в наш прогрессивный век, скоты, рабы, челядь.

И за это им платят. Мы сами зачастую и платим. Сначала, раз пять в столетие, устраиваем им Илиаду и Одиссею, а потом оплачиваем их убогий стёб по этому поводу.

* * *

То, что Россия в своей истории ходит по кругу (удивительными зигзагами и крошечными прыжками через пропасти или окопы), – как раз залог её долгой истории, длящейся и длящейся.

У писателя Алексея Варламова в его новом романе «Мысленный волк» есть произнесенная впроброс мысль о том, что историческое пространство ограничено – там долгого пути исключительно вперёд нет.

Поэтому исчезли многие и многие цивилизации, пропали тысячи (вдумайтесь!) народов, а большинство известных нам стран совершают путь уже инерционный (что такое Испания, Португалия, Польша, Великая Британия и прекрасная Сербия – в сравнении с тем, кем они были?.. «нормальные страны», как это теперь называется).

Европа, не желая заходить на очередной круг (ужасно обожглась в XX веке), перепоручила свой путь юной империи – США (хотя теперь злится на них, но косит в ту сторону всё равно).

А Россия пошла на очередной круг, качает крыльями. Или крылом. Или одним хвостом.

Гоголевская тройка известно куда мчится. Всё туда же. Зато быстро. И какие прекрасные пейзажи за окном.

* * *

Сегодня либеральная часть общества испытывает определённое давление со стороны провластных СМИ и государства. В этой ситуации становится как бы неприлично выступать против либералов, потому что они и так «гонимы».

Люди, которые в силу, например, возраста не очень следили за происходящим в России в течение последних лет двадцати пяти, переживают за носителей «прогрессивных взглядов» и просят снизить градус взаимных обвинений.

Вынужден объясниться.

Крымская ситуация – всего лишь продолжение давней истории взаимоотношений, когда ныне гонимые либеральные деятели последовательно сами выступали в качестве победителей, а иногда и гонителей.

Это они в течение нескольких лет, с 1987-го по 1991-й, тоннами разоблачительных материалов взъярили огромную часть населения СССР до такой степени, что целый народ впал в экстаз самоубийственного мазохизма.

Это они подготовили в меру сил распад СССР, естественно, сказав, что он «сам развалился», хотя сегодня они почему-то не говорят, что распавшийся СССР «сам восстанавливается».

Это они в целом оправдали события 1993 года и расстрел парламента.

Это они настаивали (и настаивают) на легитимности убойных реформ девяностых годов, имевших катастрофические последствия для миллионов россиян.

Это они поддерживали «национальные фронты» во всех бывших республиках СССР, и потом, когда в этих странах воцарились режимы, исповедующие в той или иной степени русофобию, никоим образом не раскаялись в содеянном.

Это они дружно фальсифицировали и легимитизировали выборы 1996 года.

Это они во время приднестровских, чеченских, абхазских событий последовательно выступали в качестве сторонников сил, ориентированных не на Россию, а против России; и в югославском случае – тоже.

Список куда длиннее, но мы не станем сводить все счёты – и цель таковую не ставили.

То, что сегодня они предпочли «общемировые ценности», «закон и право» (в их понимании), «суверенные интересы Украины» – очевидному волеизъявлению миллионов граждан, считающих себя русскими и желающих связать свою судьбу с Россией, какой бы Россия ни была на данный момент, – это традиционная история.

Удивительно только то, что на этот раз сама жизнь обернулась иначе.

Поверьте, если бы ситуация сложилась бы традиционно (в пользу «прогресса») – либеральная общественность не испытывала бы никакой жалости ко всей этой «русской весне», не вступалась бы за интересы русскоязычного населения, за какого-нибудь Чалого и какого-нибудь Аксёнова, которых безусловно посадили бы, – а радостно праздновала бы свою победу, как праздновала уже не раз.

И всей нынешней её риторики по поводу того, что «подло сеять рознь в обществе», «подло выступать на стороне силы» (как будто это не они взывали к НАТО и ОБСЕ только что – чтобы самим выступить на стороне силы) и «подло толкать и так уже гонимого», – не было бы.

Было бы чистейшее чувство упоения, не взирая на, на и на.

Я прожил большую часть своей жизни, наблюдая это упоение.

У меня очень мало сил осталось на чувство сочувствия. Осталось, но мало. И не только у меня. Четверть века – срок немалый. Постарайтесь это понять.

* * *

Бесконечный спор между разными частями российской интеллигенции достиг в связи с Украиной очередного апофеоза.

Во Львове люди, которые берут штурмом прокуратуру – как нам объясняют здесь, – «пользуются своими демократическими правами» и «имеют право на бунт». Если то же

самое происходит в Луганске или Донецке – перед нами «сепаратисты». Сепаратистами их зовут не только украинские СМИ, что, в целом, понятно, – но и многие российские, определённого толка.

Российский исполнитель Юрий Шевчук призывает Юго-Восток не бузить и не бунтовать, а Киев и Львов – не призывает. Из всех сил стараюсь и никак не пойму почему. Наверное, потому что Киев и Львов за всё хорошее и мир, а Донецк и Луганск за всё плохое и войну?

Подобные аберрации мы заметили уже давно. Когда в Киеве брали администрации – нам объясняли, что это украинцы формируются в «политическую нацию», а когда в Севастополе брали администрации – нам те же самые люди говорили, что это русские «ватники» вспомнили свою «рабскую натуру» и хотят обратно в «совок».

Когда на Майдане пели гимн Украины и гимн УНА-УНСО – все хорошие и мирные люди плакали, присутствуя при «подъёме национального самосознания украинского народа», а когда в Севастополе пели гимн России, а Москва им подпевала – те же самые хорошие и мирные люди морщились от брезгливости.

Если отменяли концерт группы «Океан Эльзи» в России – нам сразу говорили про «железный занавес», а если – концерт Дениса Мацуева в Киеве, нам поясняли, что это естественная реакция на агрессию, а занавеса никакого нет.

Юрия Башмета лишили звания почётного профессора Львовской консерватории, нам отвечали: «а что он хотел?» – но если бы Романа Балаяна лишили всех его российских наград и степеней, то тут уже было бы: «что вы творите?»

В России прикрыли концерт промайданно настроенного «Ляписа Трубецкого» – и мы тут же услышали, что «теперь россияне будут сидеть на своём шансоне»; но на Украину не едет «Алиса» – отчего те же самые люди не сообщат украинцам, что их шансон такой же чудовищный?

Закрывают еженедельник «Свобода» в Киеве, украинские провайдеры вырубают российские сайты – это снова «личное дело Украины» и «поддержка информационной безопасности», но когда в России прижимают «Каспаров.ру» – это у нас дают свободу слова.

Действительно, дают. Но почему у нас – «свобода слова», а там – «информационная безопасность», всё равно неясно.

Российские телеканалы отключают на Украине – оттого, что «надо противостоять чужеродной агитационной машине». Но когда украинские телеканалы не отключали в Крыму до самого референдума – нам объясняли, что люди «должны обладать всей полнотой информации».

Кто-то может объяснить, чем Киселёв, который в России, отличается от Киселёва и Шустера, которые работают на Украине? Я точно знаю одно отличие: первому закрыли выездные визы, а второму и третьему – нет. Но это куда больше говорит о Западе, чем про отличие Киселёва от Киселёва. Неужели это кому-то не понятно?

Если ты во время Майдана каждый день пишешь пост в ЖЖ о том, что в украинцев стреляет российский спецназ, – а сегодня всё так же уверенно повествуешь про то, что русские самолёты уже летят на Киев, – значит, ты просто «пытаешься рассказать правду», которая, впрочем, на завтра оказывается не совсем правдой. Совсем неправдой. Но если ты даёшь ссылку на то, как огромная толпа украинских студентов в 2013 году прыгает в студенческом дворе с криком «Кто не скачет – тот москаль», – значит, ты «разжигаешь рознь» и «провоцируешь».

Певец Макаревич и режиссёр Звягинцев пишут письмо «против войны» – которое вполне можно трактовать как «на кой чёрт нам полтора миллиона этих русских, пусть украинцы с ними разберутся по закону»; это позиция. Позиция с большой буквы. Но когда режис-

сёр Лунгин и джазмен Бутман выступают в поддержку Крыма – это «конформизм» и вообще «стыд». Потому что «позиция» бывает только у правильных и хороших людей.

Двадцать пять лет определённые круги рассказывали нам, что империи обязательно распадаются. Но потом стали с такой страстью защищать империю украинскую от распада, что поверить сложно, что те же самые люди говорили позавчера: не проблема, если Россия распадётся по Уралу, Курилы отдадут Японии, а Калининград – Германии.

Если позицию России по Крыму поддерживает десять стран (и ещё большая часть планеты воздерживается по этому поводу) – это, кричат нам, «изоляция», и вообще «Россию стыдится вся планета». А если иные решения по каким-нибудь израильским делам не поддерживает вообще никто, кроме собственно Израиля и США, то тут вообще нечего обсуждать.

Россия рассталась с Крымом двадцать три года назад – такой, господи, огромный срок, что об исправлении этой ситуации вообще нужно забыть, даже если в Крыму живут фактически те же самые люди, которых когда-то, не спросив, отделили. А если какой-то народ вдруг решает вернуться и построить свою государственность на той земле, где вроде бы жил несколько тысяч лет назад, – то тут снова нечего обсуждать, а то вам тут так пообсуждают, что голову набок свернут.

Можно обсудить, что Косово отличается от Крыма тем, что в Косово шла резня, и, значит, там требовалось стороннее вмешательство – а Россия на тот момент всё проспала и не вмешалась. Пришлось, так уж вышло, американцам.

Но, следуя этой логике, хочется спросить, почему ж нельзя было в этот раз не дожидаться резни и, предотвратив её, совершить миротворческое вмешательство?

«Но резни же не было в Крыму!» – скажут вам.

«Но могла бы случиться, – скажем мы. – На Юго-Востоке счёт арестованным идёт на десятки, и есть убитые».

«Это ж сепаратисты», – скажут нам.

И такой спор может продолжаться до бесконечности, до томительной и тоскливой бесконечности, по любому поводу.

Писатель Анна Старобинец говорит, что у неё нет сил прощать патриотическое общество, которое «лайкает» посты публициста Дмитрия Ольшанского – где, в числе прочего, Ольшанский выражает удовлетворение по поводу того, что либералов поприжмут, а может, вообще вышлют из страны.

Но, Аня, мы оба с тобой знаем имена известных общественных деятелей, которые на разные голоса призывали США вмешаться в военный конфликт против России, объясняли украинцам, как вести партизанскую войну против российских федеральных войск (эти же люди при других обстоятельствах говорят про «как не стыдно отправлять мальчишек умирать за имперские интересы?»), и даже, ты помнишь, призывали сбросить на Севастополь ядерную бомбу, либо просили американцев передать ядерное оружие Украине – и иронии в их словах не просматривалось.

Разве мы стали свидетелями, как тысячи и тысячи подписчиков этих деятелей покидают их журналы? Да нет. Никто не покинул, только новые пришли. Совокупное количество лайков под этими «антивоенными» постами про ядерное оружие и партизан-освободителей фактически равно количеству посещавших Марш Мира в Москве.

Не кажется тебе эта ситуация диковатой?

Ольшанского, говоришь ты, заносит – но людей, которые идут рядом с тобой, призывая всех к «миру», заносит куда сильнее и страшнее – почему ты не говоришь об этом? Почему среди вас никто и ни разу об этом не сказал?

Потому что лично ты не поддерживаешь их позиции?

А сто лайков под постами Ольшанского, видимо, означает, что в России скоро начнутся массовые депортации?

Болезненное ощущение нахождения в разных логических и понятийных системах с российской либеральной оппозицией присутствовало и раньше. Но только в случае с украинскими событиями оно достигло концентрации удивительной.

Мне искренне хочется, чтоб тема раскола по линии «патриотической» и «либеральной» («прозападной» и «славянофильской») была закрыта навсегда. Никакого раскола нет. Мы вообще живём в разных мирах, числимся по разным ведомствам и в гости друг к другу не стремимся.

Едва ли мы сможем объясниться, встретившись. Есть, впрочем, несколько жестов, которые могут помочь нам понять, куда идти нам и куда идти им.

Одна проблема: идти нам некуда. Мы живём на одной земле.

* * *

Снявши голову по волосам не плачут, и тем не менее.

СССР предлагали за воссоединение Германии 450 млрд долларов.

При Горбачёве был сделан широкий жест: а не надо нам ничего, пусть за так воссоединяются. Мы щедрые.

Нам дали 5 млрд марок кредита – с возвратом.

В Германии отлично знают цену своему воссоединению, и те, кому надо, – знают, кому должны за слом берлинской стены.

Это как-то повлияло на официальную позицию Германии по Крыму?

Риторический вопрос.

Щедрые тут мы одни.

Надо Михаила Сергеевича Горбачёва вернуть в большую политику. Пусть он там сидит целыми днями в приёмной Меркель, и, в своей малороссийской манере, ловит её, выходящую после трудного рабочего дня, за рукав, и, не взирая на её незнание русского языка, говорит: «Тут двух мнений быть не может, однозначно. Я сам работал долгое время на Украине, и я, знаете, помню, чем всё это заканчивалось...»

А она делает лицом знак охране: «Уберите отсюда этого фрика, уберите немедленно».

* * *

Лучший друг Украины, старшина запаса и прогрессивный журналист Аркадий Бабченко рассказал миру, что у него дедушка стопроцентный украинец, ну и попутные вещи про родню. По этому поводу в блоге у него идёт братание и творится всеобщая (внутри круга) любовь.

Никогда не хотелось к этому относиться серьёзно, но все недавние события, к сожалению, доказали, что этнос – вещь во многом определяющая, и кровь, сплошь и рядом, диктует человеку его поведение.

Я всегда с уважением относился к выступлениям писателя Быкова по поводу того, что имманентные связи – самые позорные, но, милейший Дмитрий Львович, тут наблюдаешь вокруг себя такое количество имманентных связей, что о позоре говорить не приходится – это просто данность.

Особенно мне нравятся люди, которые яростно отрицают любые отсылки к имманентным и этническим связям как к надуманным, подлым и лживым, и при помощи собственного интеллекта доказывают как бы объективные истины, которые, в свою очередь, основания имеют исключительно имманентные.

Но они говорят: с чего вы взяли, что это я говорю в силу рождения в определённой среде? – нет, я дошёл до этого своим умом, вне всякой зависимости от среды.

И все мы верим этому. Иначе и не может быть.

Вот указанный Бабченко стоит за свободу русских на Болотной. А вот он же стоит за свободу украинцев на Майдане. И, значит, он просто за свободу. Дедушка ни при чём. А то, что он не стоит за свободу в Севастополе и в Донецке, – это лишь потому, что там люди стоят не за свободу, а за несвободу. Видите, как всё просто? Всё совпало.

Ну, в смысле, для моих оппонентов всё совпало.

А у нас, как и прежде, всё наперекосяк и ничего не совпадает: почва какая-то, кровь, прочая стыдоба.

А там – личный выбор. Исключительно личный выбор. Цивилизационный, я бы сказал.

* * *

Батюшки-светы, Бабченко в третий раз подробно отвечает мне про своего дедушку и свою бабушку. На этот раз Аркадий много ругается матом.

Аркадий, давай я тебе отвечу по существу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.